

Евгений СУХОВ

Я - ВОР В ЗАКОНЕ

НЕ БЕРИ У ВОРА ДЕНЕГ

ЭКСМО

Евгений Евгеньевич Сухов

Не бери у вора денег

*Текст предоставлен издательством «Эксмо»
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=298492*

Не бери у вора денег: Эксмо; Москва; 2010

ISBN 978-5-699-40659-3

Аннотация

Фарт для любого дела великая вещь. Будет у тебя удача – все пойдет как надо и даже лучше того. А не будет – сколько ни бейся, останешься ни с чем...

Молодой сценарист Алексей Елисеев мечтает снять фильм. Деньги под этот проект ему дает известный криминальный авторитет Аркадий. Вроде все на мази, но дела никак не идут – то одна проблема всплывает, то другая... А тут подвертывается цыганка и предсказывает Алексею: будет, мол, у тебя встреча с девушкой и дела у тебя, золотой мой, пойдут как по маслу. И пророчество сбывается! После знакомства Алексея с Анастасией все сложные проблемы решаются сами собой. Но когда девушка расстается с Елисеевым, беды возвращаются. Вдобавок Аркадий внезапно требует вернуть деньги, угрожая страшным наказанием...

Содержание

Часть I	4
Глава 1	4
Глава 2	27
Глава 3	44
Глава 4	62
Конец ознакомительного фрагмента.	89

Евгений Сухов

Не бери у вора денег

Часть I

Предсказание цыганки

Глава 1

Работодатель

Алексей Елисеев взглянул на часы – до встречи оставалось двадцать минут. Не так уж много времени, чтобы провести его с пользой. Единственное, что он мог себе позволить, так это прогуляться до соседнего перекрестка, купить пачку сигарет и, сидя за столиком в кафе, обдумать план предстоящего разговора.

Не исключено, что Валерий Петрович опоздает, он еще ни разу не пришел вовремя за весь срок их продолжительного знакомства. Появлялся всегда запыхавшимся, слегка взволнованным, но при этом никогда не извинялся за опоздание, тем самым утверждая между ними некую табель о рангах.

Следовательно, при самом лучшем раскладе предстоит еще минут десять выжидать в полупустом кафе.

И ведь прекрасно, наглец, знает о том, что Алексей никуда не уйдет, будет дожидаться своего старшего товарища вплоть до самого закрытия кафе.

Однако в этот раз все получилось несколько по-другому.

Едва Алексей раскурил сигарету, а большая стрелка часов перепрыгнула на цифру пять, как в густой толпе прохожих он заприметил высокую фигуру знаменитого сценариста. Возвышаясь над всеми прочими почти на целую голову, Валерий Петрович напоминал океанский лайнер, входящий в гавань, заполненную утлыми суденышками.

Высоко подняв голову и выкатив объемный живот, он ступал торжественно и величаво, словно вел за собой многочисленную свиту. В реальности же его сопровождением была всего-то небольшая рыжая дворовая псина, отчего-то увядавшая за ним на последнем перекрестке. Да и она должна была отстать от него в ближайшие минуты и поспешить своей дорогой, так как опыт выживания наверняка уже подсказал ей, что с гастрономической точки зрения сценарист был совершенно бесперспективным объектом. Если от него чем и благоухало, так это дорогими лосьонами, которые он выливал на себя по полфлакона всякий раз перед выходом на улицу. Алексей отчего-то был уверен, что, даже отправляясь в булочную, Валерий Петрович непременно брызгается одеколоном и повязывает на толстую шею свой неизменный ярко-красный галстук, который в какой-то степени воспринимался окружающими как его визитная карточка. Лично-

стью Валерий Петрович Метелкин был запоминающейся, а для усиления харизмы всегда нужна какая-то особенная мелочь, по которой человека могут узнать из тысячи. Для одних это может быть узенькая бородка, для других усы или френч, третьи носят кепку, Метелкин же предпочитал красный галстук.

Собственно, по галстуку Алексей и признал знаменитого литератора, сценариста, который в толпе уныло одетых прохожих напоминал светофор, и у каждого пешехода, кто нечаянно оказывался на его пути, невольно возникало желание остановиться и пропустить его огромное тело, скорее напоминающее большегрузный грузовик.

Такой могучий человечище легко собьет, прокатится по безжизненному телу, сминая, и потопает далее, даже не оглянувшись.

Ярко-красный галстук на белоснежной рубашке был заметен за версту, подобно маяку, слегка покачиваясь в такт неторопливым движениям его владельца. Метелкин невольно притягивал к себе взгляды прохожих. А некоторые из них, угадав в нем человека большого калибра, невольно оборачивались ему вслед, как бы желая удостовериться, а так ли уж величав он с тыла. И убедившись, что его фактура царственна под любым углом зрения, удовлетворенно шли дальше.

В какой-то момент Алексей даже поймал себя на том, что невольно залюбовался барственными манерами Метелкина. Именно так и должен был вести себя человек, вскарабкав-

шийся на вершину творческого Олимпа.

Заметив сидящего за столом Алексея, сценарист изобразил нечто похожее на улыбку и лениво вскинул широкую ладонь в приветствии. Алексей обратил внимание на то, что пальцы у него были толстые и короткие. Прежде он этого не замечал.

Их встречи проходили один раз в два месяца, после того как Елисеев выполнял заказанную работу. Уже пошел второй год, как он писал для мэтра сценарии, которые тот с удовольствием подписывал своим именем. Правда, никогда не отдавал полностью оговоренную сумму, всегда ссылаясь на какие-то неотложные траты. В этот раз Алексей решил проявить твердость и, не поддаваясь на его уговоры, не передавать рукопись до тех пор, пока не получит обещанных денег.

Алексей даже продумал манеру своего поведения. С Метелкиным следует держаться посолиднее, капризно надув губы, выразить неудовольствие по поводу его пятиминутного опоздания, и уже тем более не вскакивать со стула, когда уважаемый мэтр протянет для приветствия руку, а этак небрежно, через стол, протянуть ему сомкнутые пальцы.

Но едва Валерий Петрович приблизился, как получилось все в точности до наоборот.

Как ни печально было это осознавать, но его, Алексея, личное благополучие зависело от этого нескладного тучного человека, который не просто шел, а перекатывался по тротуару, создавая неудобство окружающим. Остановившись у

стола, Валерий Петрович как будто бы просто сел на мель, стол от соприкосновения с крупным и тяжелым телом тряхнуло так, будто он угодил в десятибалльную качку, и не прояви Алексей расторопности, ухватив одной рукой бутылку, а другой придерживав пепельницу, так они дзинькнули бы о серую брусчатку.

– Здравствуйте, молодой человек, – протянул сценарист руку.

Еще одна деталь, которая невероятно раздражала Алексея в живом классике. Он прекрасно знал, как зовут его собеседника, но тем не менее продолжал обращаться к нему безлико, как к человеку из толпы. Словно воспринимал его всего-то как крохотную частицу, снующую в броуновском движении и лишенную каких бы то ни было индивидуальных черт: без запоминающегося лица, имени и примет. То есть по-другому – статисту.

Алексею следовало бы помедлить с рукопожатием, но какая-то темная сила заставила его подняться с места и, едва не опрокидывая посуду, стоящую на столе, протянуть с почтением растопыренную ладонь. Пожатие у Валерия Петровича было мягким, будто бы тоже какая-то милость. Сценарист охотно плюхнулся на стул, и небольшой летний выносной столик угодил в очередную качку. Бутылка с початым пивом, едва задев тарелку с воблой, протестующе звякнула.

– Как дорога? – предупредительно поинтересовался Алексей, глянув на толстый кожаный портфель, который Метел-

кин держал в руках.

– Уф, едва добрался. Если бы не нужда, молодой человек, так и сидел бы за столом и никуда бы не пошел. Если бы вы знали, от какой именно еды вы меня оторвали! – Валерий Петрович говорил с таким настроением, словно его выдернули из-за стола, на котором лежала раскрытая рукопись. – Печеный угорь! А какая была рассыпчатая картошка с топленым маслом, – толстые губы сценариста разошлись в довольной улыбке, а кадык, заросший жиром, заметно дрогнул.

Наверняка в это самое время его утроба изошла желудочным соком. Оставалось только позавидовать гастрономическим предпочтениям классика, потому что обед Алексея в лучшем случае состоял из двух жареных яиц с куском колбасы (а часто и без нее), приготовленных на скорую руку. Об угрях оставалось только мечтать. А хотелось бы прослыть гурманом. Положить эдак устрицу на язык, закатить глаза к потолку и небрежно прокомментировать, из какого моря она была выловлена.

– Не переживайте, угорь уже от вас не уплывет, – утешил Алексей.

– Это вы верно заметили, – великодушно кивнул Валерий Петрович. – Давайте показывайте, молодой человек, что вы там наваяли, – нетерпеливо произнес сценарист, всем своим видом давая понять, что время, проведенное не у письменного стола, является просто преступлением по отношению к зрителям, которые с нетерпением ждут от него новых куль-

товых произведений.

Вытащив из портфеля папку, Елисеев положил ее перед сценаристом. Валерий Петрович подозрительно глянул на собеседника.

– В этот раз она отчего-то не такая толстая, – прищурившись, произнес Метелкин, смерив при этом Алексея подозрительным взглядом.

Елисеев сохранил невозмутимость. Не будь у него столь богатого общения с литературными монстрами, так, наверное, стушевался бы под тяжелым взглядом, но сейчас позволил себе выдержать глубокомысленную паузу, после чего произнес, четко выговаривая каждое слово:

– Важно содержание написанного, чтобы был красивый сюжет с неожиданными поворотами, я так понимаю... А количеством страниц, как правило, измеряется макулатура.

– О, да, конечно! – легко согласился классик и, более не скрывая нетерпения, потянул за длинные узкие тесемочки, развязывая папку. – Вы назвали произведение «Фортуна»? – уставился он на первый лист.

Вопрос был лишний, по большому счету Метелкина не интересовало ни название сценария, ни даже его содержание. А задан вопрос был потому, что этим самым подводилась черта под первой частью разговора. По-другому это надо было понимать так – вещь отыскала хозяина. Собственно, Алексей был не против, главное, чтобы Валерий Петрович заплатил достойную цену за проделанную работу.

– Это название больше всего подходит под содержание.

– И о чем сценарий? – поплевав на пальцы, Метелкин принялся перелистывать страницы.

– Содержание довольно любопытное, – оживился Алексей, о своих вещах он мог рассказывать бесконечно долго, вот только не всегда отыскивались благодарные слушатели. – Взаимоотношения мужчины и женщины. Они знали друг друга с детства, но однажды, рассорившись по пустяку, разошлись. И, как им казалось, навсегда. Но на старости лет, когда женщина уже овдовела, а мужчина тоже стал вдов, судьба вновь свела их вместе. Встретившись, они вдруг поняли, что никогда не были счастливы так, как сейчас.

Лицо Валерия Петровича приняло кислотоватое выражение.

– И это все?

– А разве этого мало? – удивился Алексей. – Они попадают в разные жизненные ситуации, все это описано... И поездка к детям, которые их не понимают, и на курорт, где оба совершенно случайно встречают своих прежних возлюбленных. Их пытались обмануть аферисты.

– Вот даже как? – Голос Метелкина на этот раз прозвучал заинтересованно.

– Зрителю будет занятно посмотреть, как они выпутаются из всех этих историй. Если хотите, то я могу прочитать вам пару глав, – с готовностью предложил Алексей, заранее предвидя ответ.

– Не надо, – возразил Метелкин. – Читать я умею. Думаю, что с названием вы угадали, молодой человек.

Последующие несколько минут они сидели молча. Алексей, затаив дыхание, наблюдал за Валерием Петровичем. Главным действующим лицом оставался классик: он то сводил густые кустистые брови к переносице, всем своим видом выказывая невероятную озабоченность, а то вдруг уголки его губ слегка раздвигались, отчего он выглядел необыкновенно располагающе. Наконец он захлопнул папку, крепко стянув ее тесемками.

– Ну что, молодой человек, на первый взгляд весьма недурно. Вы не лишены определенной фантазии. Я тут отыскал даже весьма неплохие эпизоды. Не представляю, как вам это удастся? – Губы классика разошлись в широкой улыбке. – Но хочу заметить, что над этой вещью нужно еще изрядно потрудиться. – Голос классика принял подобающую серьезность. Лимит на улыбки был исчерпан. Его лицо выражало такую озабоченность, будто бы он намеревался сразу после завершения разговора подняться со стула и вприпрыжку отправиться осчастливить мир выдающимся литературным произведением. Впрочем, в ближайшее время ему предстоит проделать не менее значительную работу, например на обложке сценария поставить собственную фамилию.

– Не так уж и много, как вам кажется. Вещь-то, собственно, уже готова. Можете, например, изменить фамилии героев.

Валерий Петрович лишь вздохнул, но при этом его грудь поднялась столь высоко, что напомнила кузнечные меха.

— Вы несколько не оправдали моих ожиданий, это немного не то, на что я рассчитывал.

— А что же вы хотели? — мрачно поинтересовался Алексей, потянувшись за папкой. — Я могу и забрать сценарий.

Рука классика продолжала лежать на картонной коробке, убирать ее он совершенно не собирался. Не выдергивать же папку из-под его толстой ладони!

— Как вам сказать... Все не так просто, как вам кажется, молодой человек, — глубокомысленно изрек Метелкин. Роль наставника у него получалась отменно, во всяком случае, лучше, чем написание сценариев, и он всегда пользовался своим даром и не упускал случая, чтобы поиграть роль мэтра, обремененного популярностью. — Вам, молодежи, все больше свойственно упрощать, но в действительности жизнь устроена не так, как вам порой кажется или хочется.

Лицо Метелкина приняло вдумчивое выражение. Увлекаясь, он мог разыграть даже небольшой моноспектакль, пусть в качестве зрителя будет всего-то литературный поденщик. Такой профиль, с крупным носом и небольшой горбинкой весьма неплохо будет смотреться на барельефе, укрепленном на высотном здании, в котором Валерий Петрович прожил большую часть жизни. На крупные одухотворенные черты его лица частенько западали молоденькие поэтессы, которые всеми правдами и неправдами мечтают протиснуться

на страницы толстых журналов. Выступая в роли их покровителя, он нередко пользовался их доверчивой наивностью. Число его адюльтеров росло. – Всегда существовали темы вечности – любовь, страсть, ревность. Темы, которые будут интересны читателям даже через сто лет, а то и через двести! – Грустно вздохнув, он добавил: – Я же в вашем сценарии этого просто не нахожу.

– Но как же нет, – едва не задохнулся Алексей от возмущения. – Разве это не тема, когда девушка даже не подозревала о том, что ее любовь находится всего лишь в шаге от нее. И потребовалось прожить всю жизнь, чтобы она поверила в то, что встретила свою судьбу!

Валерий Петрович поморщился:

– Все это уже было, молодой человек. То, что вы написали, не ново! О взаимоотношениях мужчины и женщины пишут не одну тысячу лет. И какие люди писали! – воздел он глаза к небу. – Ого-го! Титаны! Разумеется, что у них это вышло пронзительнее и лучше, чем у вас, в тысячу раз. Вообще, хочу вам сказать, что все эти темы известны еще со времен Древней Греции. Нынешний мир ничего нового во взаимоотношения полов не привнес. Даже сюжеты одни и те же. Может, просто адаптированные к современным историческим реалиям. Вот и все!

Алексей все более хмурился, разговор был не самый приятный. Все эти разглагольствования нужны были Валерию Петровичу для того, чтобы сбить цену предоставленному

ему сценарию. Метелкин всегда пользовался одним и тем же приемом: сравнивал написанное Алексеем с творчеством какого-нибудь исполина литературы, а когда Алексей по наивности соглашался с тем, что не дотянул даже до голеней гения, то Валерий Петрович с милой улыбкой тотчас называл смехотворную цену.

Но сейчас Алексей, проявляя характер, решил доказать, что способен если уж не потеснить классиков, то изрядно потереться между ними, а то и потоптать им ноги. На это требуется не только мастерство трибуна, но и литературное дарование.

Понимающе кивнув, Алексей выдал:

– Однако время создает новых героев. Не всегда нам интересно читать об ахиллесовой пяте или, скажем, про разрушение Трои. Большинству людей интересно знать, чем дышит современный человек, о чем он думает, кого любит, вот поэтому такие сценарии и нужны.

Алексей сунул руку в правый карман, где у него лежала полусмятая пачка «Кэмела», – самое время, чтобы закурить. Но тотчас вспомнил, что неделю назад дал себе крепкое слово не притрагиваться к сигаретам. Вот только отчего-то не находилось мужества выбросить пачку в мусорное ведро. Несколько долгих секунд Елисейев перебарывал жгучее желание закурить. Победив, вытащил руку из кармана.

Разговор принимал не самый приятный оборот. Валерий Петрович с удивлением посмотрел на Алексея, столь долгой

дискуссии он не ожидал, время, выделенное на поденщика, уже иссякло: его дожидался копченый угорь и холодное пиво, а тут приходится вступать в какие-то ненужные прения и доказывать, что массовая культура никогда не попадет в анналы истории. Непорядок!

Вопрос следовало закрывать.

– Я могу дать вам за вашу работу пятьсот долларов. Увы, – Валерий Петрович разочарованно развел руками, – но на большее она не тянет. Не подумайте, что я вас хочу как-то обидеть, вы же знаете, как хорошо я к вам отношусь!

– Я ее у вас заберу, – нахмурился Алексей, – пусть лучше она пылится у меня в шкафу. Не будет ничего страшного, если человечество с ней не познакомится.

Ухватившись за угол папки, Алексей потянул ее к себе. Но сдвинуть папку так и не удалось, будто каждая ее страница налилась многотонной тяжестью. Валерий Петрович и не думал убирать ладонь, он был не из тех, кто так просто расстаётся со своей добычей. Путь навверх всегда тернист, и при своем продвижении он уже слопал не одну дюжину молодых авторов. Потому-то считался весьма закаленным бойцом.

– Не торопитесь, молодой человек. – Голос литератора был заботлив и мягок.

Алексей невольно хмыкнул: прямо отец родной! Вон как печется о благосостоянии родимого чада.

– А я и не тороплюсь, просто мы с вами не сговорились в цене. Моя работа стоит значительно больше. Я даже считаю,

что это лучшая моя работа и подобных вещей еще никто не писал.

Толстые губы Валерия Петровича разомкнулись, показав широкие желтоватые зубы, изрядно подпорченные удовольствиями жизни. В этот момент Метелкин даже позабыл про вожделенного угря. А кружка пива для него уже ничего не значила.

– Узнаю молодость! – покачал он крупной головой. – Я сам был такой же нетерпеливый, даже где-то непредсказуемый. Прежде чем вырасти в настоящего мастера, наделал массу всяких глупостей, о которых впоследствии не раз пожалел. Что поделаешь, издержки творческого роста. Без них просто было бы неинтересно жить. В чем-то я вам даже завидую... Хорошо. – Хватка классика слегка ослабла, и Алексей сумел слегка вытянуть папку. Однако проделать большего пути ей не удалось: натолкнувшись на пепельницу с окурками, она вдруг остановилась, видно, из боязни перевернуть содержимое пепельницы на пол. – Во сколько же вы сами оцениваете свою работу?

– Я оцениваю ее дорого.

– Тогда спрошу так: сколько же вы хотите получить за нее?

– Я хотел бы иметь половину того, что получите вы.

Классик покачал крупной головой. Улыбка его сделалась чуток злее. Еще пара минут подобного диалога, и она переродится в звериный оскал.

– Признаю, весьма смелое заявление. Как я вас пони-

маю! Я сам был таким. Хочется все, и непременно сразу. Совершенно нет никакого желания чего-то дожидаться, когда жизнь так быстротечна. Ведь вокруг столько много всего интересного, столько соблазнов, а потом девушки! Они тоже требуют немалых расходов...

– Вот именно, – буркнул невесело Алексей.

– ...А уж выслушивать какие-то отвлеченные разговоры, – классик обреченно махнул рукой, – это и вовсе невыносимо! В молодости хочется блистать, уверенно держаться среди коллег, выглядеть в лучшем свете, и уж никак не хочется мириться с тем, что у тебя всего лишь одна пара брюк. А как это унижительно – считать каждую копейку!..

Глядя на Метелкина, одетого в добротный костюм из тонкой серой шерсти, невозможно было поверить в то, что молодость он провел, считая копейки. Скорее можно было предположить, что литератор так и родился в пиджаке за две тысячи долларов и ярко-красном галстуке.

– Мне ли этого не знать.

– ...А ведь чтобы все это иметь, нужно пройти немалый путь, – Валерий Петрович упорно не желал слышать реплик Алексея. – Поверьте мне... Хорошо, так и быть! Только из-за моего необычайно хорошего расположения к вам я могу добавить вам еще сто долларов, – и, увидев, как лицо Алексея передернулось от возмущения, продолжил скороговоркой: – И не спорьте со мной! Большую цену за этот ваш труд вам никто не даст.

– Это как посмотреть, – невесело буркнул Алексей.

– Согласитесь, молодой человек, наш труд весьма специфичен и не каждому понятен. Что, вы будете бегать по улицам и приставать к прохожим – возьмите, пожалуйста, мою рукопись? Так, что ли? – И, расценив молчание Алексея по-своему, добавил: – Ну, вот видите! Так что бы вы там ни говорили, я для вас благодетель.

В словах литератора была некоторая сермяжная правда – в самом деле, не бегать же по улице, размахивая листками, в поисках должного вознаграждения! А тут у него будут реальные деньги, которые пусть хотя бы на первое время, но позволят ему не только залатать брешь в прохудившемся бюджете, но и сделать некоторые небольшие покупки, например приобрести пару носков с рубашкой.

– Так и быть, – махнул рукой Алексей. – Берите! Но эта рукопись стоит значительно больше, чем вы мне предлагаете.

На лице литератора отобразилось заметное облегчение.

– Я это слышу от вас уже не впервые. Хорошо, что мы понимаем друг друга.

Сунув руку в карман, Метелкин достал пачку новеньких купюр и, тщательно отсчитав, положил перед Алексеем деньги.

– Вот причитающаяся вам сумма. Весьма неплохая, на мой взгляд.

Деньги легли на стол неровным веером. Весьма подходя-

ще, чтобы остудить разгоряченное лицо. Брать их Алексей не торопился.

Не сумев сдержать чувств, что распирали его грудную клетку, Валерий Петрович улыбнулся широко и облегченно, после чего сказал все тем же поучающим тоном:

– Молодой человек, если бы мы знали цену каждой вещи, то нам просто неинтересно было бы жить. Можно привести немало примеров, когда художники отдавали свои картины только за дешевую похлебку или за ночлег, а зато потом их полотна оценивались в миллионы долларов! А вспомните Генриха Шлимана! Прежде чем докопаться до Трои, он уничтожил следы нескольких цивилизаций. И, возможно, каждая из них была куда интереснее самой Трои. Но мы любуемся диадемами и ожерельями этой эпохи, позабыв о том, что было утрачено навсегда... Так что все это очень зыбко и проблематично. – Валерий Петрович всегда умел находить убедительные аргументы, чтобы не добавить обговоренной суммы. – А потом, согласитесь, я беру на себя некоторый риск. Где гарантия того, что ваш сценарий будет одобрен руководством? – Алексей промолчал. Разговор его уже не занимал. – Вот то-то и оно! Не такое это простое дело, здесь к каждому подход нужно иметь.

Уверенно подхватив папку, Метелкин сунул ее в портфель. Единственное, что оставалось делать Алексею, так это с ненавистью взирая на кожаное потертое брюхо портфеля, беспардонно проглотившее его труд. Охранной сигнализации

ей щелкнули металлические замки.

Разговор был закончен. Оставалось только встать и пойти в свою сторону. Однако Валерий Петрович отчего-то не торопился. На его лице возникла слащавая улыбка; похоже, что сегодня он был расположен к обстоятельному разговору. Скрестив руки на груди, он спросил:

– Как это вам удается?

Алексей отвел взгляд от портфеля.

– О чем это вы?

– Хм, вы еще спрашиваете? Выдумывать подходящие сюжеты, складывать их в определенную канву, наделять героев характерами, – принялся загибать пальцы Валерий Петрович.

– А разве вам это не знакомо?

Метелкин глубоко вздохнул:

– Знакомо. Но это было так давно! В молодости я думал, что вдохновение бесконечно, что из него можно черпать, как из бездонного колодца, а потом понял, что это не так. А с годами с вдохновением становилось все хуже и хуже. А потом и вовсе пропало желание писать. Вот видите, когда-то всему приходит конец. Так что же вы мне ответите, молодой человек?

Пожав плечами, Алексей искренне ответил:

– Не знаю, как-то все само получается. Сюжет может возникнуть совершенно неожиданно. Часто толчком бывает какой-нибудь разговор или прочитанная книга. Я всегда ношу

с собой блокнот, куда записываю все то, что я хотел бы сказать. А героев и вовсе не нужно придумывать, они среди нас, достаточно только повнимательнее понаблюдать за людьми.

Валерий Петрович понимающе закачал головой и широко заулыбался. В этом недружелюбном колючем нахале он узнавал себя прежнего. Когда-то он был точно таким же честолюбивым и бесцеремонным, но кто бы мог подумать, что, перешагнув рубеж среднего возраста и заматерев, он начнет обращаться за помощью к таким вот неоперившимся молодцам, которые за пару бессонных ночей могут наворотить такого, чего он сам не сумеет сотворить даже за год беспрестанного бдения.

И что самое удивительное: ему будет импонировать все то, что они сочиняют! И непосредственность, с которой строчки ложатся на лист бумаги, по душе придется и располагающая манера письма с ядовито-сочными диалогами. Даже их манера вести себя в обществе ему была по-своему симпатична. Ведь каких-то лет двадцать пять назад он был так же чертовски талантлив, как этот молодой нахал, что сейчас сидит перед ним. Идеи просто били из него фонтаном, казалось, что они никогда не иссякнут, подобно ювенильным водам. Однако все это пропало вместе с кудрями, которые так буйно вились на его макушке. Последняя прядь волос исчезла вместе с остатками таланта. А ведь казалось, что дарованное природой останется вместе с ним до глубокой старости.

Не тут-то было!

Талант пропал так же неожиданно, как и появился, словно бы его и не было вовсе. И если бы не книги, ровными рядами стоявшие на книжных полках, можно было бы подумать, что прожитая жизнь принадлежит не ему, а кому-то другому.

Чертовски похожему на него парню!

Теперь, когда рукопись лежала в кожаной утробе большого портфеля, особо торопиться было некуда. Поставив портфель на колени, Валерий Петрович бережно его погладил (как еще можно относиться к предмету, который повышает твое благосостояние!).

– Вчера вечером хотел поработать. Думал, сейчас напишу какую-нибудь нетленку и запью ее полудюжиной бутылок пива. Разложил листки бумаги, достал несколько ручек... И что вы думали?

– Написали?

– Пива выпил целую дюжину, – кивнул головой Метелкин, – а вот нетленку так и не написал. Ни строчки! Хе-хе-хе! Такое со мной в последнее время случается все чаще. Если бы не вы, молодой человек, так и не знаю, что бы я делал. – Сузив глаза, он добавил: – Глядя на вас, может, и мне придет в голову что-нибудь эдакое! Говорят, что сочинительство – вещь заразная.

Кисло улыбнувшись, Алексей небрежно взял со стола деньги и сунул их в карман. Неприятно было осознавать, что понемногу он просто превращается в литературного негра; то, что поначалу воспринималось как разовая акция, теперь

приобретало хронический характер. Самое скверное заключалось в том, что он был в несколько раз талантливее тех сценаристов, причем вместе взятых, за которых ему довелось писать. И оставалось только делать довольную физиономию и вести себя так, будто ровным счетом ничего не происходит.

– Дай-то бог!

– А предыдущий сценарий был хорош! – с довольным видом сказал Валерий Петрович.

– Какова же его судьба?

– О-о! – уважительно протянул Метелкин. – Мне удалось пристроить его на Первый канал. Так что через пару месяцев начнут снимать сериал.

– Сколько же планируется серий?

– Не меньше десяти, – важно ответил Валерий Петрович. – А я еще буду участвовать в кастинге актеров; если учитывать, что в сценарии имеется парочка молодых героинь, то это весьма перспективное дело. Хе-хе!

– А я могу рассчитывать на премиальные? – серьезно поинтересовался Алексей.

– Конечно же можете, молодой человек, когда мне за этот фильм присудят Государственную премию. Ха-ха-ха! – Валерий Петрович определенно был в хорошем настроении и готов был щедро расточать свое благодушие во все стороны. – Ладно, ладно, – примирительно продолжил он. – Чего насупились? Будут вам премиальные, как только они со мной рассчитаются сполна. А то еще те жуки! Пока сто раз

не напомним, ни за что не выложат кровно заработанное. — Глянув на часы, он воскликнул: — Ох, время-то как идет за праздными беседами! Кто бы мог подумать! Пойду я! — хлопнув пухлыми ладонями по круглым коленкам, Метелкин поднялся. — Мне еще прочитать нужно все то, что вы там накропали. А то начнут спрашивать, а я не знаю содержания. Вот будет казус. Ха-ха-ха! — И пряча смешинки, плескавшиеся в глазах, добавил со вздохом: — Ох, нелегкая эта задача. Вы даже не представляете, как мне сложно живется в последнее время.

— Отчего же так? — посочувствовал Алексей.

— У меня теперь новая страсть — ипподром! Нужно будет часть гонорара проиграть на ипподроме. В этот раз будут очень интересные забеги!.. А потом промотать остатки где-нибудь за границей. Ха-ха! Впрочем, это мои личные проблемы, желаю вам удачи.

Валерий Петрович поднялся очень легко, неожиданно для своего немалого веса. Алексей предусмотрительно придержал стол, но опасения были напрасны: недопитая бутылка с пивом, стоявшая в центре стола, даже не качнулась. Энергично размахивая портфелем, сценарист направился к выходу.

Толпа, густая еще минуту назад, вдруг неожиданно разошлась, приняв в себя толстяка, и понесла его по тротуару к перекрестку. Некоторое время над толпой была видна его бритая до лоснящегося блеска яйцеобразная голова, на кото-

рой озоровато поигрывали солнечные зайчики, а потом поблекли и они. Толстяк растворился в уличном потоке, словно молекула в броуновском движении.

В сумке у Алексея лежал еще один сценарий, который он хотел предложить классику, но раздумал в самый последний момент, опасаясь, что тот воспримет его последнюю работу всего лишь как незначительный довесок к уже проданному сценарию. Теперь сумка показалась ему тяжелой, надо было что-то с ней делать. За углом было почтовое отделение, можно отправить его в кинокомпанию «Русмедиа». Как там решат, пусть так и будет.

Допив остатки пива, Алексей бросил деньги на стол и зашагал к выходу. Через полчаса у него должна была состояться еще одна встреча, от которой многое зависело и опоздать на которую ему никак не хотелось.

Постоянное безденежье тяготило, следовало придумать нечто кардинальное, что помогло бы выбраться из вечной нужды.

Глава 2

Я знаю, как заработать

Встреча должна была состояться на Пушкинской площади. Самое забавное, что это место предложил сам Аркаша. И дело было не в том, что Аркадий Семенов был человеком очень тонкой душевной организации, едва ли не ежедневно нуждавшемся в поэтической подпитке, а в том, что неподалеку от этого места находилась его резиденция в виде небольшого ресторана, в котором Аркаша принимал рапорты бригадиров. Он предпочитал проводить здесь большую часть времени. Кроме отменной кухни, на которую Семенов был невероятно слаб, в дальних помещениях располагалась комната для отдыха, где босс мог отдохнуть от праведных трудов, а заодно использовать это помещение для частных свиданий.

Район Пушкинской площади был едва ли не одним из самых хлебосольных в городе: вокруг располагались рестораны и небольшие кабачки, которые никогда не простаивали, а если и приходилось от чего-то страдать, так это от наплыва клиентов, которых здесь было столько же, сколько сельдей в бочке. Даже небольшие торговые палатки работали с такой интенсивностью и с такими длинными очередями, каких не встретишь даже у касс метро в час пик. С каждой точки Аркаша Семенов получал за охранные услуги немалые ко-

миссионные, и за неделю непосильного труда набегала весьма приличная сумма, которая вполне могла бы поспорить с бюджетом небольшого завода.

Самой обременительной вещью в бизнесе Аркаши были не криминальные разборки с демонстрацией силы и не толковища, которые, надо сказать, в последние годы скатывались к абсолютному нулю, а сбор и учет финансовых потоков, что день ото дня становились все интенсивнее.

Главную задачу на текущий момент Аркаша видел в создании запаса изрядного количества холщовых мешков, чтобы упаковывать полученную наличность.

Трудно было сказать, что Аркаша делал со столь внушительными финансовыми вливаниями в свою организацию (производство он не строил, металлургических комбинатов не покупал), но еженедельно бронированный автомобиль с охраной отправлялся за Кольцевую дорогу, где Аркаша купил два больших кирпичных ангара. Алексей всерьез подозревал, что собранная наличность свозилась именно туда.

Оставалось всего лишь десять минут, чтобы выяснить это с большой долей вероятности.

Задрав голову вверх, Алексей глянул на великого поэта Александра Пушкина, чью голову в качестве посадочной площадки облюбовали два сизаря. Похоже, что у голубей было романтическое свидание.

Аркаша появился точно в назначенное время. Черный старенький «Мерседес» бочком прижался к тротуару, потес-

нив парочку прохожих, а еще через секунду из автомобиля вышли три человека.

Алексей узнал Аркадия сразу – тот был в затертых джинсах, чуток расхристанный, так, чтобы прохожие через распахнутый ворот видели на его толстой шее массивную золотую цепь, – он с неизменно унылым выражением лица приближался к месту встречи. Поотстав на полшага, по обе стороны от него двигались еще два рыхловатого вида молодца. Впрочем, в этом не было ничего необычного. Последние пять лет, то есть с того самого времени, как Аркаша начал зарабатывать хорошие деньги, такое сопровождение стало для него естественным состоянием. Алексей и раньше видел этих парней в окружении Семенова, правда, прежде они выглядели поджарыми. Что поделаешь, беспечная жизнь способствует набору ненужных калорий. Если кому-то благосостояние добавляло дополнительного веселья, то у Аркаши, наоборот, отнимало. Когда-то Алексей помнил Аркадия неистощимым на выдумки весельчаком.

Разница в возрасте между приятелями была небольшая – Аркаша был старше на каких-то три года. Если опустить некоторые условности, так их и вовсе можно было бы назвать ровесниками. Однако их жизненные пути были разными. Алексей всегда числился в положительных героях, и мамыши частенько ставили его в пример своим нерадивым чадам. Успешно закончив школу, он выбрал сценарный факультет ВГИКа, где был едва ли не самым молодым студен-

том на курсе. Общение с бородатыми дядьками, также числившимися студентами, не прошло бесследно: первый глоток вина был сделан уже на первом курсе, а на втором – молдаванка Зиночка, худенькая девчонка с толстой косой, затащила его к себе в комнату и не отпустила до самого утра. Именно тогда он лишился непорочности и всегда вспоминал с благодарностью бедовую девку за предоставленные ему уроки.

Получив свободное распределение, Алексей попытался устроиться на киностудию в качестве сценариста. Даже проходил собеседование и был внимательно выслушан одним из заместителей директора, но дальше порога киностудии дело так и не продвинулось. Потоптавшись у запертых дверей, Алексей решил попастьись на вольных хлебах: писал рассказы, которыми заполняли пустые полосы газет и журналов; сценарии для корпоративных вечеринок, пользовавшиеся невероятным спросом; обрабатывал литературные опусы политических бонз, стремящихся протиснуться в историю безгрешными, и даже трижды участвовал в соавторстве, пока как-то раз в Центральном доме литератора он не оказался за одним столом с Валерием Петровичем Метелкиным. С недавнего времени он начал понимать, что эта их встреча была хорошо срежиссирована.

В отличие от Алексея, свою карьеру Аркадий Семенов начал с привода в милицию. Ему настолько понравилось в казенных стенах, что вскоре он трижды отсидел по пятнадцать

суток. Далее его путь продолжился весьма традиционно: возглавив дворовую шпану, Семенов занялся рэкетом, а иногда выколачивал долги у мелких предпринимателей, за что имел свой процент. На выбранном жизненном пути он приобрел не только множество шишек, но и весьма богатый жизненный опыт, который доступен не всякому взрослому мужчине. Именно этот опыт впоследствии позволил ему открыть охранную фирму, которая мало чем отличалась от прежней сферы его деятельности, с той лишь разницей, что теперь рэкетеры носили форму и даже имели разрешение на ношение оружия. Если прежде деньги приходилось выколачивать, привлекая сподручные предметы, в виде раскаленного утюга, то сейчас хозяева расставались с деньгами добровольно, полагая, что их благополучие зависит от малоулыбчивых суровых парней.

Рукопожатие Аркадия было мягким, почти вялым, словно все свои силы он потратил на добывание хлеба насущного. Алексей, напротив, пожал руку крепко, яростно тряхнув; губы Семенова сложились в болезненную гримасу.

Молодцы, сопровождавшие Аркашу, застыли в сторонке, подозрительно наблюдая за телодвижениями Алексея, будто всерьез подозревали его в покушении на их шефа.

– Ты бы поосторожнее, – произнес Аркадий, – так можно и руку оторвать. Так что там у тебя за проект?

Недовольное выражение его лица слегка разгладилось. В благодушное настроение Аркашу мог привести только раз-

говор о возможной выгоде.

– Я знаю, как заработать одиннадцать миллионов долларов, – почти торжественно произнес Алексей.

По собственному опыту Алексей знал, что собеседника надо поражать цифрами. Причем не круглыми или приближительными, а такими, которые трудно поддаются делению, а следовательно, невольно внушают доверие.

В какой-то момент в глубине зрачков Семенова вспыхнул алчный огонек, который тотчас погас.

– Так в чем же дело? – ехидно буркнул Аркаша. – Иди, зарабатывай. Что же тебе мешает, я-то тут при чем?

Мышление Аркаши очень напоминало палочки, начерченные рукой первоклассника: оно было таким же коротким, чуток кривоватым, но при этом он не был глуп, а кроме того, от природы был наделен невероятнейшей интуицией и всегда понимал, откуда можно извлечь максимальную прибыль. В этот раз его что-то насторожило. Следовало приложить дополнительные усилия, чтобы убедить Аркашу в том, что проект верный и без всякой придонной мути.

Набрав в легкие побольше воздуха, Алексей выдохнул и вдруг понял, что задача у него непростая и придется немало побить копытами о булыжник, прежде чем заставить Аркашу поверить в проект.

– Мне нужен такой человек, как ты, – сказал он, глядя прямо в глаза Семенову.

Танец начался. Где-то под его каблуками метнулся сноп

искр. Но вряд ли Аркаша сумел оценить представление по достоинству.

– Братан, что-то я тебя не пойму, ты меня так любишь, что не можешь без меня впрячься ни в одно путевое дело?..

– Дело совсем не в этом... – запротестовал было Алексей.

– ...Или, может, тебя интересуют мои бабки? – расширились глаза приятеля.

Взгляд у Аркаши был невинный, почти сонный, что не мешало ему стоять на страже своих накоплений свирепее любого цепного пса.

– Я тебе предлагаю долю в моем деле, а то, что выхлоп будет немалый, за это я ручаюсь. Но мне и в самом деле нужна финансовая поддержка, – быстро заговорил Алексей, – без нее мне никак не подняться. Уверяю тебя, ты не разочаруешься!

Вот он, танец на брусчатке!

Искры снопами брызжут из-под каблуков, зажигая в полусонных глазах Аркаши алчные огоньки. Два голубя, сидевшие на кудрях классика, лишь удивленно глянули вниз, а потом от греха подальше с курлыканием полетели через площадь на крышу высотного здания.

Там, где дело касается денег, не стоит разевать рот раньше времени и показывать, что ты умнее других. Полагается обдумать предложение или сделать вид, что крепко его обмозговываешь. Аркаша придерживался этого правила неукоснительно. В разговор следовало припустить некоторую долю

лени.

– И что же это за дело? – с вялым интересом поинтересовался он.

Его лицо вновь приобрело сонливое выражение. За прошедшие годы он выслушал столько «серьезных» предложений о сотрудничестве, которые давали пятьсот процентов прибыли, что успел приобрести стойкий иммунитет ко всякого рода проектам, и следовало придумать что-то настолько оригинальное, чтобы заставить его выслушать хотя бы вполуха.

– Я планирую снять одну картину, – четко выговаривая каждое слово, сказал Елисеев.

– Музей, что ли, хочешь грабануть? – интерес Аркаши вырос на несколько градусов.

– Ты меня не так понял, я собираюсь снимать художественный фильм.

– Ах, вот оно что!

Аркаша со вниманием посмотрел на собеседника. Его чуток на выкате глаза теперь напоминали крохотные блюдца, тряхни он поэнергичнее головой – так они свалятся прямо на асфальт. С минуту Семенов разглядывал Алексея, пытаясь распознать подвох. На шутку слова друга детства не походили. Неужели парень говорит серьезно? По лицу Аркаши, на котором застыла улыбка, – нечто вроде смеси любопытства и удивления, – было понятно, что подобного ему еще не предлагали. А это уже удачный выстрел.

– Так что ты на это скажешь? – не вынес паузы Алексей. Аркашу проняло.

– Хм... Занятное дельце, в такое мне еще не предлагали впрягаться. И ты знаешь, как реально сделать кино?

– Конечно! Я уже несколько лет вращаюсь в этом бизнесе.

– И каким же образом? Ты не похож на кинозвезду.

– Я заканчивал сценарный факультет ВГИКа. И по моим сценариям поставлено три фильма.

– Вот как, – в голосе Аркаши прозвучали уважительные нотки. Как тут ни прикидывай, но талант уважают в любой социальной среде. – И какие же?

– Ну-у, – Алексей чуток помялся. – Самый известный из них «Девушка в апреле».

– Помню этот фильм, – довольно кивнул Аркаша. – Забавно, у меня он даже дома на диске есть. Там телка одна была такая классная, главная героиня, вот с такими буферами, – выставил Аркаша перед собой руки.

– Точно! Актриса Екатерина Северцева.

– Я еще тогда подумал, откуда же эти киношники таких девок берут! Но постой, там, кажется, сценарист другой был, – с сомнением произнес Аркаша. – Он еще по телику потом выступал. Известный такой тип, здоровый и совершенно лысый. Фамилия у него такая бабья была... Как же его... Вспомнил, – хлопнул себя по лбу Аркаша. – Швабрин!

– А может, все-таки Метелкин?

– Верно, Метелкин. Но ты-то здесь при чем?

– Все очень просто: я написал сценарий, а потом продал ему.

– Это как? – удивился Аркадий.

– За деньги, жить-то как-то надо.

– Бизнес, значит? – уважительно протянул Аркаша.

– Получается, что так.

– Как все у вас сложно, у творческих личностей. Ну да ладно, это твои личные заморочки. Так о чем будет фильм?

– История простая. Криминальная, – с воодушевлением заговорил Алексей. – Есть двое: он и она. Знают друг друга тысячу лет! А точнее, с самого детства. Он уголовник со стажем, а она дочка прокурора...

– Что-то похожее я уже слышал, – с сомнением протянул Аркаша. – А другого у тебя ничего нет?

– Ты послушай дальше... Она влюбляется в него без памяти...

– С эротикой, что ли? – хмыкнул Аркаша.

– Разумеется, как же без нее... И они занимаются тем, что начинают грабить банки.

– Хм... Бонни и Клайд, так, что ли?

– Вроде того, – легко согласился Алексей. – Но действие будет происходить в условиях российской действительности.

– Понятно.

– Они разъезжают по городам и грабят. А за ними ведется усиленная охота. В одном месте они спасают молодого мужчину от банды хулиганов...

– Занятно.

– ...который впоследствии присоединяется к их компании. Через какое-то время образовывается классический любовный треугольник. Мужчины уже больше не доверяют друг другу, как было раньше, и между ними назревает конфликт. Но они объединяются вновь, когда понимают, что по отдельности им просто не выжить. А на хвост уже крепко сел уголовный розыск, и им грозит смертельная опасность. В результате всего этого они пройдут через многие испытания и победят. Вот такая фабула.

– Что еще за фабула? – насторожился Аркаша.

Его лицо приняло озабоченное выражение. Таким оно становилось всегда, когда требовались непредвиденные расходы.

– В художественном произведении так называется цепь событий. Завязка, развитие сюжета, концовка, – принялся горячо растолковывать Алексей.

– Хм... Вот еще одно новое слово узнал, стоило только поговорить с грамотным человеком, – в довольной улыбке расплылся Аркаша. – Как говорится, век живи – век учись. А то в моем окружении одни бандюганы. Ничему хорошему не научат.

– Так что ты скажешь?

– А знаешь, ничего... Я бы даже сказал, что в этом что-то есть.

Простоватый вид Аркаши вводил в заблуждение многих

собеседников. В действительности он был не столь узколоб, как это могло показаться при первой встрече. Во всяком случае, для того, чтобы управлять мини-государством, размещившимся в самом центре Москвы, кроме твердого характера, требовалась еще и немалая гибкость.

– Не сомневайся, – оживленно продолжал Алексей. – У нас обязательно получится. Пригласим известных актеров, снимем фильм, будем разъезжать с ним по фестивалям!

– По фестивалям?

– Разумеется! Главное, подобрать подходящих артистов, на которых народ бы пошел.

– Это ты в жилу сказанул, – растянул губы в довольной улыбке Аркаша. – Надо бабу подходящую подобрать. Знаешь, ту, которая в «Сияниях» играла. Попка у ней такая круглая. Как же ее зовут... Фу-ты, из головы выскочило! – слегка стукнул себя ладонью по лбу Аркаша.

– Изольда Мещерская? – подсказал Алексей.

– Во-во, Мещерская! Классная телка!

– Только такая актриса дорого будет стоить. У нее один только съемочный день...

– Да я на нее никаких бабок не пожалею, только чтобы она согласилась! – с воодушевлением высказался Аркаша, блеснув серыми глазами. – Я ее хочу!

Семенов так размечтался, что перестал замечать прохожих, при каждом его вскрике они опасливо посматривали в его сторону. А две молоденькие девушки неловко приснули,

засмотревшись на простоватую, вдруг засветившуюся счастьем физиономию Аркаши.

– Так ты согласен, я правильно понимаю?

– Денег на искусство мне не жаль. Тем более если выхлоп будет хороший. Как ты думаешь, у меня есть шанс затащить эту Мещерскую в койку?

– Шанс имеется у каждого, – философски заметил Алексей.

Момент был самый подходящий, чтобы накинуть на предполагаемого мецената лассо. Не мешало бы затянуть веревку потуже, чтобы он не особенно дергался. Например, заинтересовать его еще какими-нибудь аппетитными женскими формами. Растолковать ситуацию, как легче добиться расположения обожаемого объекта.

– Знаешь... Я два года назад был на одном кинофестивале в Ялте, там как раз Мещерская тусовалась. А с ней рядом все какой-то мужичонка толкался.

– Да ну?!

– Верно говорю! Не поймешь – не то муж ее, не то хахаль какой-то. – Поморщившись, Алексей добавил с долей брезгливости: – Ничего особенного. Так себе. Маленький, пузатенький, лысоватый... К чему это я говорю... Так она его все по лысине гладила. Смешно было смотреть. Даже не знаю, что она в нем такого нашла. Чего только на свете не увидишь! Ведь ей самой должно быть зазорно, что с такой классной бабой отирается какой-то плюгавенький тип. А ты ведь кра-

савец, высок, статью не обижен! Знаешь, как держаться в обществе. Умеешь бабам нравиться. А потом ведь богат! Да на тебе эти актрисы гроздьями будут висеть.

С каждым произнесенным словом улыбка Аркаши расплывалась все шире. На последней фразе она уже не уместилась на лице и заползла куда-то далеко за уши, собрав кожу на затылке в мелкие складки.

Слышать о собственных достоинствах каждому приятно. Алексей был уверен, что в это самое время Семенов представлял себя где-нибудь на кинофестивале в окружении молоденьких актрис. Почему бы не потешить собственное честолюбие? Приятно думать, что киношная братия станет считать тебя влиятельным меценатом, способным спонсировать игровые фильмы. А ведь всякое спонсорство подразумевает приятное приложение в виде красивых и ни к чему не обязывающих романов, участие в международных фестивалях и заседание в авторитетном жюри. В какой-то степени невольно становишься вершителем отечественной культуры.

О, куда хватил!

Не все же время размахивать пистолетом да выезжать с бычарами на разборки. Пора как-то переориентировать свой бизнес в цивилизованное русло и заводить знакомства с деятелями искусства и культуры. Не помешает для положительного имиджа и немного гламура.

– А ты знаешь, я готов окунуться в этот шоу-бизнес, – не убирая улыбки с потного лица, протянул Аркаша.

– Это не шоу-бизнес, это нечто другое, – попробовал возразить Алексей.

– Послушай, умник, мне совершенно без разницы, как это называется, – чуток раздраженно произнес Аркадий. – В шоу-бизнесе классные телки задницами раскачивают, и в твоём проекте – классные девки. Так что это одно и то же, и это как раз то, что мне подходит.

– Я очень рад, что мы договорились, – залепетал Алексей.

– Только ты не забывай, – строгим голосом руководителя проекта продолжал Аркаша. – Обязательно должна быть Изольда Мещерская; если её не будет, ничего не получится. Ты уяснил?

– Разумеется. Мещерская обязательно будет. Аркаша, нужны деньги, если ты не забыл.

– Леха, это не проблема, – вяло отмахнулся Аркаша. – Деньги будут. Сколько тебе нужно для того, чтобы закрутить все это дело?

Рука Аркаши потянулась во внутренний карман пиджака, словно он намеревался тут же извлечь требуемую сумму.

Вот он, момент истины. Глаза в глаза – именно так на борцовском ковре смотрят друг на друга непримиримые противники, и тут важно не продешевить. Обратного хода может и не быть. Во всяком случае, выцарапывать дополнительную сумму будет ой как трудно!

Закатив глаза к небу, Алексей задумался, включился в мыслительный процесс, пытаясь совершить сложные ариф-

метические подсчеты. В действительности сумма была определена им перед началом разговора до самой последней копейки, ее оставалось только озвучить. Следует не переиграть с артистическими эффектами.

– Полтора миллиона долларов, – наконец выдал он надлежащие цифры.

– Хм...

– ...Но не исключено, что со временем эта цифра может возрасти. Что связано в первую очередь с арендой помещений на киностудии, задержками съемочного процесса, костюмами...

Взгляд Алексея остановился на руке Аркадия, уже сунутой в карман куртки: и поди тут угадай, что именно он вытащит, не то пачку зеленых банкнот для поддержания штанов будущего режиссера, не то пистолет.

Действительность оказалась иной: в руках Аркаши оказался вчетверо сложенный платок. Длинно высморкавшись, Аркаша объявил:

– Простудился.

– Когда? – посочувствовал Алексей.

– Вчера. Одного хмыря на ветру поджидал, он мне двадцать штук зелеными должен был. Все шифровался, никак выловить его не могли. А как выловили, так в багажник затолкали и к реке повезли топить. Когда мы его раскачивали, чтобы на глубину бросить, ну я немного оступился и ноги промочил... Вот и усугубил... насморк теперь. Лечусь!

– И что? – осторожно поинтересовался Алексей.

– Хреново! Не люблю, когда из меня все течет. Надо было носки тогда переодеть, водочки принять на грудь, может, малинового варенья с булкой поесть, а я опять по делам поперся. Не сиделось мне!

– Я не о том, а тот-то что? Который шифровался?

– А что ему? Утонул! Камнем на дно пошел. Да и как тут не пойти, если мы ему на шею гирю привязали, – довольно протянул Аркаша. – Брызг, правда, много было, пацанов тоже с головы до ног окатило. А так ничего, все в порядке... Ты что так напрягся? – удивленно спросил Аркаша. – Тебе это не грозит... если, конечно, правильно себя вести будешь.

– Я это учту. Ну, так как насчет денег?

– Дам я тебе денег. Тысяч двести получишь для начала, а там видно будет...

– Но ведь может не хватить, – заикнулся Алексей, понимая, как рушатся его планы.

– А ты эконошь. Давай встретимся завтра в моем офисе, в это же время. Знаешь где?

– Конечно, – кивнул Алексей.

– Вот и договорились. – Глянув на часы, Аркаша добавил: – А теперь мне надо бежать. Дела!

Глава 3

Хочется душевного

Алексей явился в точно назначенное время. Ему прежде не приходилось бывать в офисе Аркаши Семенова, а потому представлялось, что офис этот будет напоминать пещеру Али-Бабы, до самого верха заполненную сокровищами. Но действительность разочаровала: его встретили стены далеко не самой идеальной побелки, портьеры хоть из дорогого материала, но явно не свежие, а в одном месте он и вовсе разглядел крестового паука, терпеливо плетущего паутину. В общем, здесь не было ничего такого, что могло бы указывать на роскошь. Только фарфоровая ваза, стоящая на столике у окна, выглядела некоторым вызовом скудности обстановки.

Алексей испытал некоторое разочарование. Он, конечно же, не рассчитывал на то, что по углам будут лежать россыпи драгоценных камней и слитки золота, но где-то в глубине души полагал, что увидит кованый сундук, набитый наличностью. Однако его глаза беспрестанно натывались на пустые бутылки из-под пива, беспорядочно расставленные по углам. Скорее все это напоминало берлогу неприкаянного холостяка, чем деловой офис.

— Ну, проходи, чего встал верстовым столбом? — Приобняв Алексея за плечи, Аркадий повел его к столу. И когда

Алексей прошел и присел на стул, он вдруг начал жаловаться: – Если бы ты знал, как я устал от всей этой чернухи! От всех этих бесконечных разборок, стрелок, толковищ. В действительности я ведь не такой. Ты же меня знаешь...

– Ну да, – неопределенно буркнул Алексей.

– Меня всегда тянуло к прекрасному, к большому искусству. Знаешь, Леха, хочется бросить все это и заняться чем-нибудь стоящим! Так, чтобы на века!

– Так займись.

– Не получается! – невесело выдохнул Аркадий. – Всякий раз находятся люди, которые обязательно скажут: «Слушай, Аркаша, надо бы грохнуть одного фраера». И хуже всего, что отказать им я не могу. Знаешь почему?

– Почему же?

– Потому что я человек по натуре мягкий, – со вздохом протянул Аркаша. – Не могу говорить людям «нет».

– А может, потому что деньги за это предлагают?

Взгляд Алексея остановился на широкой ладони Аркаши, на которой коряво было вытатуировано «Север». Такое впечатление, что слово это ему наколол первоклассник, едва научившийся писать.

– Вы все почему-то мои капиталы считаете. Ну, нельзя же так, братишка! – плюхнулся Аркаша в широкое мягкое кресло. – А беру я заказы потому, что не могу хорошего человека обидеть. Вот так и живу не в ладах с самим собой.

– Трудно тебе, – согласился Алексей.

– Спасибо тебе, Леха, что хоть ты меня понимаешь. И вот я подумал, есть все-таки в нашей скудной жизни просвет, если встречаются такие люди, как ты, Леха. Ты романтик, а без них в нашей жизни очень трудно. – Алексею достался неустойчивый стул с шатающимися ножками, и он невольно подумал о том, что тот может внезапно рассыпаться от резкого движения. – Но ты сам должен понимать, что деньги я не печатаю. Это незаконно. Ха-ха-ха! – Подняв со стола какую-то бумагу, он протянул ее Алексею: – Держи! Это счет в Московском банке, он оформлен на твое имя. С него будешь брать нужные суммы. И не забудь про эту – с буферами... как её, все забываю, – поморщился Аркаша.

– Изольда Мещерская, – охотно подсказал Алексей, забирая бумагу.

– Во-во, Мещерская! У нее должна быть главная роль. Заплатишь ей столько, сколько она запросит.

– Ты уже говорил.

Алексей недоверчиво держал листок бумаги с печатями. Трудно было поверить, что он стоит двести тысяч долларов. Абсолютно неказистая внешне бумаженция: обычная, чуток шероховатая на ощупь, без водяных знаков, если ее попробовать, так она и вкуса никакого не имеет.

Вот как все просто: не нужно входить в пещеру, набитую драгоценными камнями, не нужно кричать: «Сим-сим, откройся!» Тебе просто протягивают листок бумаги стоимостью в пещеру Аладдина.

– Я тронут, Аркаша, не ожидал, – расчувствовался Алексей. – Завтра же я пойду подбирать актеров.

– Только смотри, Елисеич, с деньгами поаккуратнее, – напутствовал Аркаша, – лично передо мной отчитываться будешь. Я тут с пацанами перетер, они решили на фильм часть денег из общака выделить, так что цени! Сам понимаешь, за это особый спрос будет. Отсюда и на свое пропитание возьмешь. Если пойдет что-нибудь не так, деньги я у тебя забираю. Уразумел?

– Я прочувствовал, Аркаша, – кивнул Алексей. – Неужели ты думаешь, что я ничего не понимаю.

– Вот и ладушки! Мой «Мерседес» помнишь, на котором я к тебе на Пушкинскую приезжал?

– Ну? – недоуменно захлопал глазами Алексей, не понимая к чему клонит Аркаша.

– Продал я его! – рубанул тот рукой. – А деньги в киношный проект вложил. Так что я в деле. Твой компаньон. И спрашивать с тебя буду не только за общаковские деньги, но и за свои кровные. Усек?

– Понял, Аркаша, чего ты все накручиваешь? Все будет в порядке.

Аккуратно сложив заветную бумагу вчетверо, Алексей упрятал ее в карман джинсовой куртки. Подумав секунду, для верности застегнул клапан на пуговицу. Вот теперь она никуда не денется!

Телефон Изольды Мещерской Алексею удалось раздобыть только с третьей попытки. Первый ему отказал директор картины, в которой последний раз снималась знаменитая актриса, тот долго рассматривал его через призму толстых очков, чем-то напоминая биолога, рассматривающего под большим увеличением диковинное одноклеточное. Затем, сделав для себя какие-то выводы, коротко обронил:

– Телефоны наших артистов мы посторонним людям не даем.

Следовало внести ясность и дать понять этому пучеглазому таракану, что оба они находятся на одной стороне.

– Все правильно, я бы на вашем месте тоже не давал телефона постороннему человеку. Но я режиссер... Подбираю сейчас актеров для моей картины, – забасил Алексей, добавляя в голос солидности. – Предполагаю задействовать Мещерскую в главной роли. В настоящее время используют только ее внешние данные, но мне кажется, что она очень хороший характерный актер...

– Простите, а как ваша фамилия? – перебил директор картины, подправив очки указательным пальцем. Очки были такие массивные, что то и дело сползали.

– Метелкин, – уверенно ответил Алексей.

– Что-то я не знаю такого режиссера. – Громко рассме-

явшись, он продолжил: — А я ведь чуть не попался, — помахал он пальцем. — А вы шутник. Приходилось мне встречать поклонников актрис, но вот чтобы такого изобретательного! Впервые!

Все это показалось директору картины забавной шуткой. Весело рассмеявшись, он пошел по коридору, оставив обескураженного Алексея в одиночестве.

Второй человек, к кому Елисейев обратился за помощью, был пожилой охранник, проработавший в киностудии уже четверть века. Прежде дядька играл молодых любовников, а вот состарившись, отыскал себе тихое местечко у дверей киностудии. Документы он не спрашивал и всегда был поглощен чтением свежей прессы. Держали его в качестве охранника за прежние заслуги, а потому на некоторые вольности в работе смотрели сквозь пальцы. Сотрудники кинокомпании не без основания считали, что в приятелях у него находится сам директор, с которым он в молодые годы сыграл пяток ролей, и воспринимали его таким же элементом интерьера, как «Доску почета» с пожелтевшими на ней фотографиями. Однако пожилой охранник всегда был в курсе всех последних событий, происходящих на студии, и помог не одному молодому дарованию получить главную роль, впоследствии определившую дальнейшую благополучную карьеру. А сказать телефон одной из актрис для него и вовсе наверняка не составит труда.

— Послушайте, вы не могли бы мне подсказать номер те-

лефона актрисы Изольды Мещерской?

Старик оторвался от чтения и суровым взглядом смерил Алексея. Именно таким взглядом герои из его фильмов сорокалетней давности уничтожали расхитителей социалистической собственности. Теперь Алексей на собственной шкуре почувствовал, насколько им было несладко.

– А тебе-то зачем? Воздыхатель, что ли?

– Совсем нет, – попытался уверить его Алексей, понимая, что старик способен почувствовать фальшь в голосе. – Просто мне нужно... для одного важного дела. Я планирую снимать кино, и она очень подходит...

– Я не справочное бюро, обратиться официально, – перебил старик, проявляя неожиданное служебное рвение. – У тебя документ имеется, чтобы расхаживать по киностудии?

– Нет, но...

– А если нет, так проваливай побыстрее к ядрене фене, пока я милицию не вызвал! Шастают тут кто ни попадя!

Развернувшись, Алексей ушел. Убедившись, что за Алексеем закрылась дверь, охранник вновь уткнулся в газету, продолжая невнятно бурчать.

Телефонный номер известной актрисы охраняли столь же тщательно, как и золотые запасы государства. В какой-то момент Алексей даже пожалел о том, что согласился на предложение Аркаши привлечь на съемки фильма именно Изольду Мещерскую. Можно было бы отыскать актрису из какого-нибудь провинциального театра, не столь избалованную

вниманием публики, а еще лучше взять студентку театрального вуза, способную работать даже за горсть тыквенных семечек.

И все-таки стоило сделать последнюю попытку. Третью...

Его выбор пал на курносую девушку, работающую в отделе кадров. Подарив ей две коробки конфет, Елисеев коротко изложил свою просьбу. Уже через минуту он держал в руках небольшой листочек, на котором были написаны два телефона: домашний и мобильный. В глазах девушки прыгал озорватый огонек: какой интересный поклонник объявился у Изольды Мещерской. Везет же некоторым!

Взяв листок бумаги, Алексей поблагодарил, дав себе твердое слово, что обязательно нагрянет к этой симпатичной девушке, когда будет не столь занят.

Покинув здание киностудии, он тотчас позвонил на мобильной телефон Мещерской. Трубка включилась после третьего сигнала, и Алексей узнал голос, растиражированный видеозаписями последних пяти лет. Подчас Изольды Мещерской на экранах было столь много, что думалось, будто она пользуется услугами двойников.

– Слушаю.

– Вам звонит режиссер Елисеев, – и, предупреждая возможный вопрос, добавил: – Это будет мой первый игровой фильм. Мне бы очень хотелось, чтобы вы приняли участие в моем проекте в качестве главной героини.

– Прежде вы работали в кино?

– Я не новичок, мне уже приходилось принимать участие в написании сценариев и работать над фильмами. Но одно дело принимать участие, и другое дело – самому возглавлять весь съемочный процесс. Но я решил рискнуть.

– А вы честолюбивы.

– Не без того! Имеется весьма интересный сценарий, я уверен, что он вас не разочарует. Во всяком случае, в прокате подобных кинолент пока что еще...

– Знаете, я сейчас очень занята. – Голос звучал сдавленно, будто замечательная актриса лежала под двухтонной глыбой. – Позвоните мне через неделю, тогда я вам дам более обстоятельный ответ.

Сказанное следовало расценивать как мягкую форму отказа, против которого Алексей имел весьма действенное средство. Во всяком случае, противостоять такому соблазну ей будет непросто.

– Я понимаю, что в последнее время вы очень перегружены работой, но я могу вам предложить за съемочный день столько, сколько получает Емельянов.

Михаил Емельянов был значительной фигурой в кинематографе, о его баснословных гонорарах среди артистов ходило немало слухов. Да и сам он старался поддерживать имидж весьма успешного человека, во всяком случае, рубашки от Пьера Кардена он менял едва ли не каждый день.

На некоторое время в трубке повисло молчание. Судя по некоторому пыхтению, актриса производила арифмети-

ческие расчеты на калькуляторе. Математика ей давалась тяжело.

Стараясь закрепить успех, Алексей продолжил:

– Съемки не займут много времени. Думаю, что через месяц вы будете уже свободны.

– Вот как. Любопытно.

– А потом, вам даже не нужно будет никуда уезжать, весь съемочный процесс будет происходить не дальше Садового кольца.

– Обычно так говорят все режиссеры. – Голос женщины прозвучал кокетливо.

– Я вам обещаю, что это именно так.

Похоже, что арифметические расчеты были успешно проведены, и сумма в глазах актрисы выглядела впечатляющей.

– Сценарий правда интересный?

Вопрос был задан больше для порядка: какому же артисту захочется играть в плохом фильме? Лет через тридцать выпадет возможность сказать, что никогда не кривил душой и всегда играл только в тех фильмах, которые считал интересными, способными полностью реализовать дарованный Создателем талант. В действительности зачастую определяющим фактором является только презренный металл. И каждый норовит продать себя подороже.

– Разве я стал бы обманывать такую замечательную актрису? А потом, вы ведь ознакомитесь со сценарием и убедитесь в том, что я не слукавил.

– Надеюсь, что это так... Насколько я понимаю, фильм будет полнометражным?

– Разумеется, – живо подхватил Алексей. – Мы подходим к этому делу очень серьезно.

– Еще один вопрос, если вы позволите.

– Пожалуйста, я к вашим услугам.

– Но откуда у вас деньги, чтобы снять такой фильм? Сейчас в наше время достать их особенно трудно. Люди научились считать и рисковать никто не желает.

– Ничего необычного, – ответил Алексей, – просто я пользуюсь деньгами мафии. А они хотели бы, чтобы вы играли в этом фильме главную роль.

– Ха-ха-ха! Весьма удачная шутка. Принимается! – весело отозвалась актриса. – А вы, случайно, не тот человек, который пытается связаться со мной последние несколько дней?

– Я и есть тот наглый тип. Если бы мне потребовалось пройти пешком до самого Северного полюса, чтобы встретиться с вами, то я бы решился и на это.

– Оригинально! Мне передавали, что вы разыскивали меня даже через охранника?

– А что вас удивляет?

– Уже давно меня не удивляли подобными вещами. В какой-то степени это даже приятно.

– Так что вы скажете?

– Я буду играть в вашем фильме. Мне кажется, что у вас обязательно получится очень хорошая картина.

Алексей невольно усмехнулся, за такие деньги, что он ей посулил, без реверансов в сторону режиссера не обойтись. Он бы и сам сыграл за десятую часть от обещанного, вот только никто не предлагает.

– Знаете, мне бы хотелось с вами встретиться и обговорить некоторые моменты фильма. Рассказать вам идею картины и передать сценарий.

– Прямо сейчас? – в голосе актрисы прозвучала некоторая растерянность.

– Необязательно сейчас... Можно встретиться где-нибудь часа через два.

– Ох, – в трубке послышался печальный вздох. – Что делаешь. Я приеду. Слова режиссера для меня закон. Так где вы предлагаете пересечься?

– Я предлагаю встретиться в ресторане «Лунное сияние». Это который на...

– Я знаю, где он находится, – перебила Мещерская. – У вас хороший вкус. До встречи. – Последние слова прозвучали почти кокетливо.

* * *

Изольда Мещерская появилась точно в назначенное время. Алексей приветливо махнул рукой. Увиденное мало напоминало экранный образ, надо было отдать должное ее гримерам. Лицом и взглядом далеко не пиковая дама. Просто

красивая ухоженная тридцатипятилетняя женщина, умеющая следить за собой и знающая силу косметики. Уверенно, не обращая внимания на заинтересованные взгляды, она прошла прямо за столик, за которым расположился Елисеев. Глядя на Изольду Мещерскую, передвигавшуюся по залу с грацией пантеры, Алексей с улыбкой подумал о том, что, не сделав пока еще ни одного дубля, он уже начинает пользоваться благами режиссерской должности.

А что будет эдак лет через десять, когда он заматереет по-настоящему!

– Вот мы и встретились, – просто произнесла Мещерская, устроившись напротив. – Я почему-то представляла вас немного моложе.

– И каким же?

– Более брутальным, что ли, – подобрала она подходящее слово.

– А я старше вас, – отвечал Алексей.

– А вы умеете делать комплименты, в каком же месте этому учат?

– Таким вещам не учат, это как талант, который дается от рождения, он или есть, или его нет.

– Вы самоуверенны.

– Не без того. Но разве это плохо? – всерьез удивился Елисеев. – Без этого невозможно сделать ничего стоящего. Тем более хороший фильм.

– Мне нравятся ваши слова. Возможно, что вы и правы.

И когда же начнутся съемки?

Завязывалась непринужденная беседа, будто они знали друг друга галактический год. Со стороны их встреча выглядела примерно так: двое молодых людей решили приятно провести вечер и вместе поужинать.

– В самое ближайшее время. Сейчас я как раз занимаюсь подбором помещений. Арендой... Костюмами. Дел хватает, – махнул Елисеев рукой.

– Вы мне напоминаете одного человека, он тоже был весьма честолюбив, – на какое-то мгновение ясные глаза актрисы затмило небольшое облачко. – Хотя, впрочем, это и неважно! – Грозовая тучка испарилась так же неожиданно, как и возникла, и теперь на него вновь взирали ясные женские глаза. – Так какую роль вы мне намерены предложить?

Подошедший официант прервал завязавшейся разговор.

– Что будете заказывать? – посмотрел он на Алексея.

– Выбирайте, – по-хозяйски распорядился Елисеев.

– Знаете, мне какой-нибудь легкий салатик, – произнесла Мещерская. – Лучше всего греческий. Считается, что он особенно полезен, ну и бокал красного вина.

– Я бы предпочел прожаренный стейк и... – Алексей пробежал глазами меню и добавил: – И крабовый салат. Вино тоже красное, итальянское.

В раскрытом блокноте острозаточенным карандашом официант делал скорые пометки.

– Хорошо, – он закрыл блокнот и удалился.

– Так на чем мы остановились?

– Разве такая женщина, как вы, может играть второстепенные роли? Естественно, вы будете главной героиней.

– Это какие-нибудь постельные сцены? – посмотрела Изольда лукаво.

– Вовсе нет, – протестующе отреагировал Алексей. – Вы будете в роли спасительницы.

– Вот как? – На лице актрисы проступило неподдельное изумление. – И кого же я должна спасать?

– Любимого мужчину.

– Это какой-то новый шаг в кинематографе. – Тонкие губы Изольды Мещерской слегка дрогнули, обнажив ровный ряд зубов. Алексей вспомнил, что свою карьеру она начала как модель, рекламирующая зубную пасту. – Прежде мужчины спасали женщин. Впрочем, я совсем не возражаю.

Официант возник из ниоткуда, как если бы материализовался из воздуха. Проворно расставив на стол заказ, тотчас удалился, весело помахивая пустым подносом.

– Уверяю вас, вы не пожалеете.

– Очень надеюсь на это. – Пригубив красное вино, женщина продолжила: – А вот что не будет постельных сцен, так это очень жаль.

Трудно было понять: шутила ли Изольда таким странным образом или действительно тяготела к эротическим сценам. Во всяком случае, в Москве трудно было отыскать офис, в котором не было бы плаката с изображением ее полуобна-

женной натуры.

– Мы что-нибудь придумаем, – пообещал Алексей.

На первый взгляд в ней не было ничего особенного. Без косметики ее лицо несколько проигрывало, и оставалось только удивляться столь невероятной популярности. Что привлекало, так это руки с тонкими длинными пальцами. Безымянный палец правой руки приковывал к себе взгляд изящным перстнем с крупным изумрудом. Этот камешек подарил ей последний любовник, с которым она рассталась три месяца назад. Если верить публикациям, то сейчас она пребывала в одиночестве.

За столом воцарилась необременительная пауза. Мещерская ковыряла вилкой салат. Мясо было великолепно прожаренным, а потому на некоторое время лишило Алексея красноречия.

Посмотрев на часы, Мещерская вдруг произнесла:

– Ой, я ведь совсем забыла. Ко мне сейчас должны подойти гости. Как же это у меня выскочило из головы!

– Жаль, – невесело протянул Алексей, понимая, что все его надежды на более плотное продолжение знакомства рухнули в одно мгновение. – Мы ведь только разговорились.

– Я вам предлагаю проводить меня, и у нас с вами будет возможность поговорить. – Изольда поднялась, взяв со спинки стула сумочку.

– С удовольствием!

Отсчитав положенную сумму, Алексей положил ее на стол

и направился следом за женщиной. Еще не все потеряно!

Серебристый «Лексус» Изольды стоял у входа в ресторан – немногие из посетителей имеют такое право. Охранник проводил Алексея Елисеева недоуменным взглядом: по его мнению, тот явно не дотягивал до покровителя известной красавицы, и оставалось только удивляться, чем же таким парень сумел привлечь ее внимание.

Сели в кожаный салон внедорожника. По мнению Алексея, такие машины создавались не только для того, чтобы с комфортом проехать по бездорожью, но и за тем, чтобы на заднем сиденье заниматься любовью. Алексей невольно скользнул взглядом по ногам Мещерской, упиравшимся в педали, – более подходящей кандидатуры отыскать было трудно.

Машина тронулась. Уверенно вырулив на улицу, Мещерская произнесла:

– Вот что, Алексей, не знаю, что там обо мне болтают, но я уловила ваши красноречивые взгляды и хочу вас сразу предупредить, что у нас ничего не выйдет. Мужчина, чтобы добиться расположения женщины, должен обладать определенным набором добродетелей, но пока я у вас ничего такого не вижу. Так что дерзайте! А там посмотрим, – наградила его Изольда великолепной улыбкой профессиональной модели.

Алексей тяжело вздохнул, вспомнив, что именно такие зубы изображены на упаковке зубной пасты, которой он пользуется.

– Я буду стараться.

Глава 4

Вы обо мне слышали?

На встречу с директором модельного агентства Анастасия пришла заметно взволнованной. Как известно, первая встреча самая важная, а потому следовало произвести подобающее впечатление. На подборку гардероба ушло часа три: были перемеряны все платья и костюмы с самыми невероятными сочетаниями, но в конце концов она остановилась на своей любимой голубой юбке и просторной блузке. Повертевшись перед зеркалом, Анастасия нашла, что достаточно хороша для предстоящей встречи, и, посидев на дорожку, словно намеревалась преодолеть пространство в тысячи километров, вышла на улицу.

Модельное агентство «Мираж» располагалось неподалеку. Район тихий, рядом зеленый сквер. На скамейках, спрятавшихся в тени высоких кленов, сидели три молоденькие девушки и курили. Наверняка какие-нибудь начинающие модели собирают силы для предстоящего показа. Мысленно пожелав себе удачи, Анастасия толкнула тяжелую высокую дверь и оказалась в просторном холле агентства.

Поднявшись на второй этаж в приемную, она назвала свое имя секретарше, не улыбкающей молодой женщине лет двадцати пяти, с короткой прической.

Как выяснилось, ее уже ждали. Понимающе кивнув, сек-

ретарша сказала:

– Можете проходить, Мария Григорьевна уже ждет вас.

Стучаться не пришлось, дверь распахнулась как бы сама собой, и Анастасия едва не столкнулась с высокой брюнеткой лет тридцати пяти.

– Вы ко мне? – спросила директор.

– К вам, Мария Григорьевна, – быстро заговорила секретарша. – Это Анастасия Артемьева, она записана к вам.

– Одну минуточку... Вот что, Верочка, позвони Степанову и Глазевой и скажи, чтобы готовили девочек к показу.

– Хорошо, Мария Григорьевна, – секретарша взяла трубку аппарата.

– Пройдемте, я вас уже жду, – сказала директор, пропуская Анастасию вперед.

В кабинете было просторно. Конечно, несколько официально, но в целом – уютно. Дизайнером была продумана каждая мелочь.

– Присаживайтесь, – предложила Мария Григорьевна, кивнув на свободный стул.

– Спасибо. – Анастасия села.

– Значит, это вы и есть та самая Анастасия Артемьева? – с интересом посмотрела Мария Григорьевна на Настю.

Внутри радостно екнуло. Вот они – отголоски признания, всего лишь полгода в столице, а в узких профессиональных кругах уже стало известно ее имя. А что будет эдак лет через пять!

– Да... Это я, – не сумела сдержать смущение Анастасия. Уголки губ вопреки ее желанию чуток дрогнули, после чего раздвинулись в счастливой улыбке. – Вы обо мне слышали? – Конечно, и неоднократно.

Следовало присмотреться к Марии Григорьевне повнимательнее.

Достаточно было одного взгляда, чтобы понять, что она – весьма успешная женщина и много времени проводит в косметических салонах. Впрочем, такое внимание к своей внешности понятно, как же можно «руководить красотой», если сама не отвечаешь высоким стандартам. В кабинете витал запах дорогих духов, слегка щекоча ноздри. Сама Настя мечтала именно о таком парфюме – нежном и вызывающем одновременно. Обладательницей таких духов может быть женщина только с безукоризненным вкусом. Однако ввиду скудости личных средств Анастасии приходилось пользоваться духами куда проще, весьма распространенными среди домохозяек. И продавщиц супермаркетов.

Одного лишь запаха этих духов было достаточно, чтобы понять главное, у этой женщины все прекрасно: бизнес процветает, в доме достаток и нет отбоя от поклонников. Безупречный, сшитый строго по фигуре брючный костюм кремового цвета (он один стоил столько, сколько Настя не заработала бы даже за три года), высокая прическа, где каждый волосок лежал на своем месте, а на виски спадали две длинные завитушки, которые можно было бы принять за неко-

торию небрежность. Но в действительности это был точный профессиональный расчет, волосы спадали так, чтобы подчеркнуть правильный овал ушных раковин, четко очерченные скулы и указать на платиновые сережки с двумя большими бриллиантами. Красивое лицо украшал тонкий ненавязчивый макияж, который лишь подчеркивал свежесть ее кожи.

Так что куда ни глянь, эта женщина во всех отношениях выглядела безукоризненной. Наверняка за годы своей работы она немало насмотрелась на таких вот охотниц за славой и деньгами, а потому сегодняшний визит провинциальной девушки был для нее одним из многих. А потому было особенно приятно, что Мария Григорьевна сумела запомнить ее фамилию.

Настя попыталась отыскать в поведении хозяйки нечто похожее на высокомерие, но в ее больших серо-зеленых глазах просматривались только заинтересованность и участие.

Вот о таком боссе Настя мечтала всю жизнь – умном, понимающем, профессиональном.

– Вы приходили со своими работами в другие модельные агентства, я так понимаю?

Начало чуток обескураживало.

– Конечно. У нас говорят, под лежащий камень вода не течет.

– Ну да, конечно, волка ноги кормят, – почему-то хмурым голосом обронила директор. – Но, кажется, вы везде полу-

чили отказ?

Анастасия невольно нахмурилась. Разговор принимал все более неприятный оборот. Теперь понятно, откуда растут ноги ее популярности. Сфера модельного бизнеса весьма узка. Все дизайнеры и мастера знакомы между собой, люди работают много лет бок о бок, и достаточно кому-то обронить в твой адрес нелестное слово, чтобы создать нелестную репутацию.

«Держись, девочка, это испытание. И его нужно обязательно преодолеть». Анастасия попыталась улыбнуться, но через мгновение поняла, что выглядит неубедительно. Подобные потуги можно наблюдать разве что у человека, приговоренного к пожизненному заключению.

— Мне кажется, что в других модельных агентствах ко мне отнеслись не очень объективно.

— И как, по-вашему, это проявилось?

Всего-то простая вопросительная фраза. Однако за ней прятался жесткий руководитель с крепкой хваткой. По-другому в бескомпромиссном мире мужчин ей не выжить. А потом ведь нужно как-то влиять на пару сотен молоденьких девчонок, которые видят себя супер-моделями. Такими вопросами обычно опускают с небес на землю.

Анастасия пожала плечами:

— Больше косвенно. Может, я просто неправильно заполнила формуляр. На это ведь тоже смотрят?

— Смотрят, голубушка, смотрят. В нашем бизнесе учиты-

вают все! В нем нет второстепенных деталей, он особенный. Смотрят, как человек выглядит, как он ходит, как себя ведет, что и как он говорит. Деталей много! Всех их даже не перечислишь. Хочу вам сказать, что вы прокололись где-то на одной из этих составляющих.

– Мне куда более важно ваше мнение.

– Почему же?

– Вы ведь не только модельер, но в свое время были и манекенщицей. То есть знаете этот бизнес как бы изнутри.

– Возможно, что вы и правы. Вы давно занимаетесь дизайном одежды?

– Давно. Пробовала еще в школе. Участвовала в конкурсах, побеждала... Это мое призвание. Я мечтала об этом с самого детства. Даже в текстильный институт пошла на дизайнерский факультет. Мне всегда хотелось заниматься творчеством. Но как-то не заладилось, – пожалала Настя плечами.

– Где вы еще работали?

– Работала на текстильной фабрике, разрабатывала фасоны тканей, рисовала...

– Понимаю. И теперь вы решили попробовать свои силы уже самостоятельно.

Анастасию встретила милая, сочувствующая улыбка. Возможно, что хозяйка модельного агентства сама прошла столь же тернистым путем и ей весьма близки чаяния молоденькой девушки, выросшей за тысячи километров от Садового кольца.

– Получается, что так. На производстве работают слишком консервативно. И как-то совсем не по-современному. Я им предлагаю выкройки готового платья, а они берут из него только воротник или пояс. Но ведь я конструировала все вместе и одно без другого просто не существует! – воскликнула девушка в отчаянии.

– Тоже верно, – спокойно согласилась хозяйка.

– Потом предлагают мне сделать дизайн поясов, я им предоставляю три десятка, а они берут только один. Спрашиваю: почему же вы не берете все остальные? А они мне отвечают: у нас производство, и мы не можем так быстро переориентироваться. А если бы вы знали, сколько моих задумок было просто выброшено в корзину за ненадобностью!

– Это очень обидно, – легко согласилась Мария Григорьевна. – А ваши работы где-нибудь выставлялись?

– Мои курсовые и диплом демонстрировались на конкурсе молодых дизайнеров и были отмечены специальными дипломами за новаторство. А в Новосибирске получила первый приз, – не без гордости сообщила Анастасия.

– Это хороший показатель. – Ладони Марии Григорьевны мягко упокоились на разложенных листках бумаги. – У вас, безусловно, есть вкус и чувствуется большой потенциал, это видно по вашим выкройкам и рисункам. Особенно мне понравились жакеты, вы их делаете как укороченные куртки.

– И болеро, – подсказала Анастасия.

– И болеро, – с легкой улыбкой согласилась Мария Григо-

рьевна. – Еще мне понравились ваши юбки-плиссе с обилием нижних юбок. Весьма выигрышное сочетание.

– А вы смотрели майки?

– Да я их видела, вы их моделируете с рюшами.

– И как они вам?

– Тоже удались. Но к ним у меня имеются некоторые претензии.

Анастасия хотела бы иметь точно такие же ухоженные руки. Женщину света можно определить именно по ним. На запястье, причудливо сплетаясь, поблескивал браслет из белого золота. На первый взгляд весьма простая вещь, и только змейка, состоящая из крупных бриллиантов, убеждала в обратном. На застежке крупными красными каплями притягивали взгляд три рубина.

Имей она хотя бы половину украшений этой женщины, ее руки смотрелись бы не в пример краше.

А вот это не порядок – у самого основания большого пальца Марии Григорьевны Анастасия заметила небольшой аккуратно заштопанный шрам. Значит, Мария Григорьевна все-таки не столь совершенна, как это могло показаться. Именно это неожиданное открытие позволило ей посмотреть на хозяйку с некоторой самоуверенностью.

– Вы работали когда-нибудь с мужскими коллекциями?

– Конечно, – быстро отозвалась Анастасия. – Я моделировала широкие брюки со стрелками, бермуды. У меня есть коллекция пестрых футболок. Свитера с вырезом, которые

надеваются на футболку.

– Очень интересно. У нас нет подходящих специалистов по мужской моде, и вы сюда явно впишетесь. Вы согласны поработать с нами?

– С удовольствием!

– Прекрасно! Будем считать, что мы договорились. Только у меня имеется одно небольшое условие, – несколько тише произнесла Мария Григорьевна.

– Это какое же? – насторожилась Анастасия.

– На работу мы берем людей с испытательным сроком. Вы к этому готовы?

– А в чем, собственно, заключается испытательный срок?

– Сейчас объясню... Вы будете числиться в нашем модельном агентстве не как дизайнер, а как технический работник. То есть человек, который следит за костюмами, хранит коллекции одежды... Но делать вы будете то, что умеете. Вы согласны?

– А кто же тогда будет считаться автором работ, которые я сделаю?

Мария Григорьевна бережно уложила рисунки в папку. Возможно, чуть быстрее, чем следовало бы. Но именно вот эта малая величина как-то заметно отдалила Анастасию от хозяйки модельного агентства.

Мария Григорьевна заговорила вновь, но теперь ее слова звучали глухо и словно бы издалека, как если бы доносились с противоположного берега широкой реки. Между собесед-

ницами как будто пролегла невидимая граница.

– Этот вопрос мы решим в рабочем порядке. Не удивляйтесь, здесь ничего нового нет, сейчас все так работают. Должен быть известный бренд, причем раскупаемый, вот именно на него и работает очень много людей. Если вы согласны, так я готова подписать с вами соответствующий контракт.

– И как долго будет продолжаться такая... зависимость?

– Милочка, вы выбрали неверное слово, здесь нет никакой зависимости. Дело это сугубо добровольное. Оно выгодно как вам, так и нам. По-другому нас можно назвать партнерами. Вы передаете нам свои идеи, которые мы, кстати, хорошо оплачиваем. Мы все единая команда!

– И все-таки, как долго я буду... техническим работником?

Хозяйка слегка поморщилась. Ее верхняя губа чуть приподнялась, отчего светлые волосики под самым носом собрались в неприятный пушок. Еще один штришок в ее внешности, который позволял разговаривать с ней более откровенно и раскрепощенно.

– Анастасия, вы решили связать меня каким-то обещанием... Я не могу вам сказать точно ни число, ни месяц, все зависит от обстоятельств. И от интересов агентства, которым я руковожу. В общем, слово за вами.

– Мне не подходит ваше предложение, – услышала Анастасия свой голос.

– Жаль, мы могли бы неплохо поработать вместе. – Губы

Марии Григорьевны слегка поджались. – Не уверена, что вам где-либо предложат нечто большее. Подумайте, у вас три дня срока.

– Я уже подумала.

– Хорошо... Тогда я хочу вам сказать, – холодно произнесла Мария Григорьевна, – что мы не работаем в таком направлении. Материал мы используем тоже другой. Вам нужно обратиться в другое агентство, более близкое к вашим работам. Не смею вас больше задерживать.

Такие самоуверенные женщины всегда находят подходящие слова для уничтожения. Для них всегда важно опрокинуть противника лицом в грязь. Совершенно необязательно после этого наступать ему на затылок каблуком, чтобы окончательно уничтожить, достаточно всего лишь милой чарующей улыбки.

– Спасибо, что выслушали меня.

– Не отчаивайтесь, вы еще молоды. У вас вся жизнь впереди, к тому же в Москве осталась еще пара агентств, в которых вы не побывали; советую обратиться туда.

Все-таки наступила на затылок. Теперь ее улыбка напоминала оскал.

– Хорошо, я непременно воспользуюсь вашим советом.

* * *

Выйдя на улицу, Анастасия чуть было не разрыдалась от

досады. Впрочем, обида отсутствовала – список неудач пополнился, теперь в него входило агентство «Мираж», которым руководила блистательная Мария Григорьевна. Странно, что она не раскусила эту стерву в первую же минуту, женщины с таким макияжем просто неспособны на милосердие. у них самих все складывается в лучшем виде, проблемы своего бизнеса они решают по протекции, и любой человек, что стучится в их дверь, будет чужим, человеком с улицы.

Анастасия посмотрела на часы – половина шестого. Время не позднее, но и возвращаться на съемную квартиру, расположенную на окраине города, тоже не хотелось. И тут Настя вспомнила, что всего в получасе ходьбы находится модельное агентство «Виктория», куда она отдала свою коллекцию платьев три месяца назад. Хозяйкой заведения была полнеющая брюнетка лет сорока, ухоженная, как племенная лошадка. Агентство она назвала своим именем. Итак, Виктория попросила оставить коллекцию для просмотра, пообещав, что может принять ее только через неделю, а когда Настя пришла к назначенному часу полная надежд, то та скривила губы и, передав папку с рисунками и выкройками, заявила, что из всей коллекции ей нравятся только пуговицы.

Анастасия дала себе слово больше не появляться в этом модельном агентстве и навсегда вычеркнуть из памяти состоявшийся разговор, но как раз сегодня в агентстве планировался показ новой коллекции и, поразмыслив, Анастасия решила появиться в зале в качестве зрителя.

Удивительно, но, подходя к зданию, она вдруг почувствовала некоторое волнение. Волновалась она не зря, ее ожидал неприятный сюрприз: в дверях стояли два крупных охранника в черных костюмах и со слащавыми улыбками спрашивали билеты. Одного из здешних секьюрити она знала – за то недолгое время, когда она навещалась в это модельное агентство, парень попытался набиваться в ее ухаеры, даже как-то «грозился» сводить ее в лучший клуб столицы. Однако не случилось.

Оставалось уповать на то, что он все-таки ее не забыл. Впрочем, сейчас у дверей его не было.

Беда была еще и в том, что Анастасия никак не могла вспомнить, как его зовут. Имя было какое-то замысловатое, но и не столь сложное, как Дормидонт или Борислав.

Внезапно ее осенило: «Архип!» – широко улыбнулась девушка.

Один из охранников, стоявших в дверях, принял улыбку на свой счет. Задержав взгляд на белокурой красавице, он произнес:

– Что-то давно вас не было видно. Куда-нибудь уезжали?

– Нет, просто не было времени зайти, – нашла Настя. – А Архип сегодня дежурит?

– Он будет только завтра, – в голосе парня прозвучало некоторое разочарование. – Может быть, что-то передать ему?

– Не надо... Я завтра специально приду... повидаться с

ним, – неопределенно сказала Настя.

– Вот так раз! Ему всегда везло с девушками. Почему же меня не ищут вот такие красавицы?!

– Не беспокойтесь, вам тоже повезет. Приглашение вам показать?

– Не надо, – великодушно махнул рукой охранник. – Проходите, вы ведь своя.

Едва сдержав вздох облегчения, Анастасия вошла в большой и светлый зал. Отыскав свободное место, она стала дожидаться демонстрации моделей. Через какую-то минуту свет стал равномерно гаснуть, оставляя освещенным только подиум. Шторы распахнулись, и на дорожку в элегантном темно-синем костюме вышла хозяйка агентства. Со времени их последней встречи она слегка прибавила в весе. Темный цвет весьма умело скрывал ее полноту.

– Сегодня у нас знаменательный день, который я и мои коллеги, наши единомышленники ожидали с особым волнением. Мы представляем на ваш суд нашу новую коллекцию. Некоторые образцы мы уже демонстрировали в домах моды Парижа, Рима, Нью-Йорка, и они получили весьма лестные рецензии ведущих кутюрье мира... Сейчас здесь будет показано все самое лучшее, что мы сделали за последние годы. Мне думается, что наша коллекция будет по достоинству оценена вами, зрителями, и найдет свое место в ваших гардеробах, – Виктория мило улыбнулась. Протянув руку в сторону темно-зеленой занавески, символизирующей выход, она

продолжила: — А сейчас наши девочки продемонстрируют вам коллекцию, — последние слова были встречены негромкими аплодисментами.

Первой на подиум вышла высокая манекенщица в узком темно-зеленом, немного ниже колен платье, веером расширяющемся книзу и выгодно подчеркивающим ее талию. Ноги девушки были далеки от идеальных пропорций, с заметно выпирающими коленками (обстоятельство, на которое Анастасия в другие минуты непременно обратила бы внимание), передвигалась она по подиуму как-то неестественно, нарочито артистично, что должно было покоробить Настю, но сейчас ее взгляд был прикован к покрою платья, знакомому ей до последнего штриха.

Повернувшись, девушка направилась к выходу. Раскрывшись, разрез на платье при повороте обнажил половину бедра, и будь ее ноги слегка постройнее, так наверняка смогли бы свести с ума половину мужчин, сидящих в зале. Собственно, смелый поворот и был рассчитан на это. Мужчины, сидящие в первых рядах, одобрительно зашевелились.

Анастасия едва сдержалась от возгласов праведного негодования.

Следующей продефилировала шатенка с худенькими плечиками и нелепой торчащей во все стороны короткой прической. Платье на ней было прямой выкройки из голубой ткани. Эту модель Настя тоже передала для просмотра в агентство.

В ту их первую встречу Виктория особенно едко прошла именно по этому платью, заявив, что в такую модель можно одевать только общипанных цыплят. И вот сейчас платье отыскивало свое место на подиуме, правда, поменяв при этом автора.

Анастасия помнила, как мучительно подбирала вставки для подола, которые теперь смотрелись столь изящно и придавали платью дополнительную легкость. Решение пришло в тот самый момент, когда она наблюдала за походкой фламинго. Пояс платья был намеренно узкий, из черной атласной кожи, с небольшой квадратной пряжкой, чтобы он не отвлекал от силуэта платья и одновременно подчеркивал фигуру. И только когда модель прошла половину подиума, раскидав в зал ворох улыбок, Анастасия поняла, что столь незрелый экземпляр был выпущен на подиум намеренно – такое платье придавало женственность даже швабре. А черный галстучек в белый горошек, что просматривался через слегка приоткрытый ворот – придуманный ею накануне поездки в Москву, – смотрелся некой точкой, завершающей слаженный ансамбль.

Последующую демонстрацию коллекции Анастасия воспринимала весьма туманно: было ясно, что она присутствует на премьере собственной коллекции, вот только кутюрье значился совершенно другой человек – полнеющая брюнетка с повадками пантеры. И, осознав случившееся, Настя поняла непоправимость происходящего: ее просто обокрали!

Выставили за дверь, как сопливую девчонку, прикарманив весь ее труд самым наглým образом. Да еще саркастически высмеяв перед этим. И, не оказись она по воле случая в демонстрационном зале, так никогда бы об этом даже не узнала.

На лицах многих зрителей можно было увидеть одобрителные улыбки, приветствующие новаторский труд кутюрье. Вот только все эти улыбки были направлены не по адресу: не модельеру, создававшему коллекцию, а брюнетке в темно-синем костюме. Громкие хлопki, сопровождавшие каждое дефиле, тоже адресовались именно ей.

– Позвольте! – не выдержав, громко выкрикнула Анастасия, поднявшись со своего места. – Что здесь происходит? Эту коллекцию создавала я, а не эта... женщина.

На какой-то миг манекенщица, шагавшая по подиуму, слегка сбилась с шага, мельком посмотрев на говорившую, а потом, приподняв красивую ухоженную голову, зашагала столь же легко и энергично, как и раньше.

В Анастасию впилося сразу два десятка заинтересованных взглядов. В какой-то момент она сумела приковать к себе внимание зала, даже модель подарила ей нечто похожее на сочувствующий взгляд. В обращенных на Настю взорах так и читалось: «Не часто девушки бывают инициаторами скандалов».

«Мало им дефилирующих красавиц, так им еще и сенсацию подавай, – со злостью подумала Анастасия, направляясь

по красной ковровой дорожке, прямиком к подиуму. – Будет вам сенсация!»

– Три месяца назад в этом агентстве мне сказали, что моя коллекция ни на что не годится. А сейчас я вижу, что все платья, в которые одеты манекенщицы, созданы по моим эскизам. На платьях даже пуговицы, которые придумала я!

Анастасия вдруг сделала важное открытие: на нее теперь смотрели с куда большим интересом, чем на манекенщиц. Мужчины, сидящие в первых рядах, ободряюще улыбались. Некоторые из них пришли на показ для того, чтобы поддержать своих подруг, курсирующих по подиуму. Именно они в большинстве своем выступали меценатами состоявшегося действия. Другие находились на жизненном перепутье и завернули в зал для того, чтобы присмотреть красивый экземпляр (так сказать, некое приложение к выходному костюму), с которым не стыдно будет появиться на светских вечеринках.

Иные из мужчин пришли на показ по идейным соображениям, к этому их обязывал статус светских львов. За время, проведенное на подобных мероприятиях, они повидали всякого, а потому сидели с постными неулыбчивыми физиономиями и мысленно торопили разворачивающееся действие к завершению. Так что выходку молодой девушки они воспринимали как дополнительный элемент шоу, который должен поднять настроение заскучившим зрителям.

Еще пара столь громких фраз – и можно будет считать це-

ну за билет вполне оправданной. Хотя для большого скандала этого явно недостаточно. Неплохо было бы, если бы строгая охрана принялась выволакивать из зала сопротивляющуюся девушку за руки. За такое представление можно было бы ввести дополнительную плату.

А девочка и в самом деле так искренне сердится, будто с нее сняли последнюю рубашку. Где же организаторы шоу подобрали столь искреннюю актрису?

Школа Станиславского стоит немалых денег.

Мужчины, сидящие в первых рядах, ободряюще улыбаются: а как хорошо задумано! Какой интересный ход, каков пиар! До подобного шага еще не додумалось ни одно агентство. На какие только нестандартные приемы не пойдут организаторы, лишь бы добавить зрелищу сенсационной остроты и интриги.

На пути девушки предстал секьюрити. Анастасия узнала его, тот самый, что недавно стоял на входе. Собравшиеся завертели головами, на показе мод начиналось самое интересное: на манекенщицу в воздушном светло-розовом платье, ступавшую в четкую линию по узкому подиуму, уже никто не смотрел (чего же отвлекаться на пустяки, когда в зале разворачивается настоящий спектакль!).

– Да пустите же вы меня! – отмахивалась Анастасия сумочкой от настойчивых мужских рук. – Что вам от меня надо! Я же не с вами разговариваю!

Охранник был предельно терпелив, старался выглядеть

корректно (в самом деле, не валить же ему бедную барышню на пол!).

– Девушка, давайте покинем зал. Не устраивайте, пожалуйста, скандала.

– Это вы называете скандалом? Да меня просто обокрали, лишили всего, даже имени, а вы это называете скандалом?! Это же грабеж!

Где-то в первых рядах послышался сдержанный смех, а у самого подиума прозвучали несмелые хлопки. Кажется, зрители по достоинству оценили разворачивающееся действо.

– Давайте поговорим с вами за пределами зала, там вы все и объясните.

– Это вам так просто не пройдет! Я всем расскажу о вашем агентстве и о методах вашей работы.

У входа на подиум, скрестив руки на груди, возвышалась хозяйка агентства, темно-синий, почти черный брючный костюм только усиливал ее сходство с владычицей джунглей. В этот момент она была необыкновенно хороша. Куда-то исчезла даже ее полнота. Некоторые мужчины пришли только для того, чтобы увидеть Викторию в завершении показа коллекции, когда она выйдет на поклон вместе со своими моделями. Многие из них помнили ее лет десять назад, какой она была необыкновенной тогда, и они пришли посмотреть на величественные осколки.

Вот тогда в полной мере можно будет оценить ее формы. А каким трогательным будет ее поклон! У сидящих близ-

ко мужчин появится неплохая возможность рассмотреть ее полную грудь в весьма соблазнительном ракурсе.

Настя и не думала сдаваться, продолжала вырываться из крепких рук охранника. В этот момент она напоминала лебедушку, бьющуюся в цепких когтях коршуна.

Слегка запрокинув красивую голову, хозяйка звонко рассмеялась и вместе со всеми громко захлопала в ладоши. Все должны понять, что представление плановое, и оно удалось в полной мере!

Откинув тяжелую занавеску, отделявшую подиум от служебных помещений, Виктория уверенно посмотрела по сторонам. С ее лица мгновенно слетела радушная улыбка, обаяние разлетелось на мелкие колющие кусочки, больно задев стоящих рядом. Тонкие губы Виктории изогнулись в злую кривую линию.

– Где начальник службы безопасности?! – резко обратилась она к застывшему персоналу.

К хозяйке агентства подбежал молодой мужчина, лет двадцати пяти, из внутренней охраны, в обязанность которого входило наблюдение за собравшимися зрителями.

– Виктория Александровна, он сейчас находится у входа. Несколько человек хотели пройти без пригласительных билетов.

Проигнорировав сказанное, хозяйка продолжала:

– Я что, должна бегать по всему залу, чтобы найти его?!

А может, он считает, что я ему мало плачу? Если так, тогда пускай подыщет себе другое место работы!

В ее голосе слышались угрожающие интонации; иначе как генералом в юбке Викторию Александровну никто не называл. Такая стерва способна проглотить с потрохами любого, кто встал на ее пути, и даже при этом не поморщиться. И от взгляда ее болотных глаз, начисто лишенных какого бы то ни было романтизма, покрывались испариной даже самые крепкие мужики.

– Я здесь, Виктория Александровна, – проворно подскокил к ней крупный мужчина с широким разворотом плеч.

В сравнении с охранником, размерами напоминающим слона, Виктория выглядела всего лишь задиристым взъерошенным воробушком и едва дотягивалась макушкой до его могучей выпуклой груди. Дерзко вздернув подбородок, она принялась отчитывать начальника службы безопасности, как нашкодившего первоклассника. Со стороны эта сцена могла бы послужить сюжетом для какого-нибудь карикатурного рисунка, вот только смеяться у окружающих не было никакого желания.

– Я вас спрашиваю, как сюда попала эта дрянная девчонка?!

– Мы пропускаем строго по приглачительным, Виктория Александровна.

– Так что, вы хотите сказать, что у нее был приглачительный билет?

На лице великана отобразилась нешуточная озабоченность.

– Может, она пришла с кем-нибудь? В билетах указано, что приглашенные могут прийти с супругами или... со спутницами.

– По-вашему, это я должна выяснять, с кем она пришла? – Голос Виктории Александровны был ледяным, как ключевая вода.

Великан невольно съежился, будто ему за шиворот угодил комок снега. Ему было явно не по себе.

– Нет, но...

– За что я вам плачу, Павел, ответьте мне? За то, чтобы вы красовались среди моделей, так, что ли? Работа не пыльная, девушки у нас в агентстве красивые, напрягаться особенно не нужно. Это не то что работать где-нибудь в баре вышибалой и размахивать кулаками. Там ведь и морду могут набить!

– Виктория Александровна, ну зачем же вы так?.. – укоризненно залепетал начальник охраны. – Недоразумение вышло. Я сейчас все улажу.

– Может, мне самой нужно стоять в дверях вместо вас? – наседала директор агентства.

– Виктория Александровна, я сейчас все исправлю, – заверил ее гигант, твердо посмотрев в омут зеленых глаз.

Кажется, не утонул. Уверенно выдержал злой немигающий взгляд. Угнездившихся в глубине глаз чертей он тоже не рассмотрел, видел лишь изрядно рассерженную женщину,

озабоченную репутацией заведения. К тому же еще лишенную по жизни обыкновенного человеческого тепла.

– Так вот идите и исправьте свою оплошность! И чтобы эту наглую девчонку я здесь больше никогда не видела, а то вам действительно придется работать в захудалом баре вышибалой!

Начальник службы безопасности быстрым шагом устремился в зрительный зал, где теперь уже двое охранников безуспешно пытались успокоить разволновавшуюся девушку.

– Я это так не оставлю! – выкрикивала Анастасия, тесня сотрудницами. – Я буду жаловаться. Товарищи, здешние хозяева самые обыкновенные жулики!

К ним подоспел начальник службы безопасности. Он был огромный, как циклоп, и столь же опасный. Закрыв Анастасию от зрителей своим телом, он наклонился к ней и негромко произнес в самое ухо:

– Если не заткнешься, милая, так мы тебя в подвал затащим. – И, заметив как дрогнули ее ресницы, добавил для пущей убедительности: – У нас там две такие, как ты, лежат... в деревянных коробках. Ты будешь третьей... если еще раз сюда явишься. Повторять я больше не буду.

– Да отпустите вы меня! – тряхнула руками Анастасия.

Охранники деликатно разомкнулись, оставляя единственный проход – в сторону выхода.

– Чтобы я сама здесь еще хоть раз появилась! – передернула девушка плечами.

Гордо выпрямившись, Настя уверенной походкой, не уступая в грации профессиональным манекенщицам, под оглушительные овации зрителей направилась к выходу. Девушка со злорадством подумала о том, что ни одна из моделей не удостоилась такой овации.

В чем-то это был несомненный успех.

Анастасия вышла из здания и направилась в сторону остановки. У сквера ее догнал тот самый охранник, что стоял у входа. Выглядел он смущенно, словно во всем случившемся виноват был лично он.

Коснувшись плеча девушки, он произнес:

– Послушай...

Отдернув руку, Анастасия хотела было произнести какую-нибудь колкость, что всегда так легко срывается с губ в минуты отчаяния, но, натолкнувшись на серую дымку широко распахнутых сочувствующих глаз, осеклась:

– Чего тебе надо?

– Извини за всех... Как-то неловко получилось.

– А тебе-то чего? – огрызнулась Анастасия.

– Я же помню, как ты приходила, работы свои приносила.

– Откуда тебе это известно?

– Случайно получилось, я тогда у дверей стоял. Дверь открытой была, вот я и слышал. Хозяйка после твоего ухода вызвала секретаршу и велела скопировать все твои рисунки. Я тогда не понял, для чего это было нужно, а теперь вот ясно.

– Лучше бы я к ней не приходила, – проговорила Настя

глухо, покусывая губы. – Но кто же мог подумать, что она присвоит все то, что я сделала! – воскликнула девушка в отчаянии.

– Не ты первая. До тебя еще приходила одна девчонка, так она с ней точно так же поступила. Только та девушка не скандалила, просто развернулась и ушла.

– Да и мне не нужно было этого делать. Как-то само вышло. Сорвалась.

– Не грусти, сделаешь еще что-нибудь. Даже лучше!

– Это ты всех, что ли, так жалеешь?

В собственном невезении сейчас хотелось обвинить целый свет. Парень был из того разряда людей, на которых можно было выместить все свое раздражение. Им говоришь гадкое, а они будут только глазами хлопать. Нарастающая обида внезапно отчего-то прошла.

– Не всех... Знаешь, что я тебе предлагаю, сходи в кинокомпанию. Попробуй устроиться туда. Там как раз не хватает модельеров.

– А тебе это откуда известно?

Странное дело, но в своем голосе Анастасия услышала нотки надежды. А может, это тот самый случай, когда она пытается ухватиться за соломинку.

– У меня там двоюродный брат работает, его зовут Алексей Елисеев. Ты к нему подойди, он поможет. Если хочешь, я могу ему позвонить. Или записку напишу.

– Напиши, – поколебавшись, кивнула Настя.

Вытащив из кармана блокнот, парень вырвал из него листок и, черкнув на нем несколько слов, протянул девушке.

– Желаю тебе удачи.

– Спасибо, – улыбнувшись, ответила Анастасия.

Вот он, тот самый конец веревки, что бросают утопающему. В ее случае это немного, но, во всяком случае, у нее появляется шанс.

Сложив листочек вчетверо, Настя положила его в сумку и, помахав рукой на прощание парню, заспешила к автобусной остановке.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.